

ЖИВЫЕ КЛАССИКИ

Ж жизнь

З замечательных
л людей

Виртуальная книжная выставка

Знаменитая книжная серия «Жизнь замечательных людей» была основана в 1890 г. известным издателем и просветителем Флорентием Федоровичем Павленковым (1839-1900), который хотел издать 200 биографий выдающихся людей всех времен и народов. Выходившая с 1890 по 1915 год 200-томная библиотека «ЖЗЛ» выдержала 40 дореволюционных переизданий общим тиражом примерно 1,5 млн экз. Только в 1933 г. книжная серия была возобновлена по инициативе Максима Горького. На каждой книге стояла надпись «Жизнь замечательных людей» и помещался портрет «героя» книги. В 1938 году серия «ЖЗЛ» передана в соответствии с пожеланием М.Горького в ведение издательства «Молодая гвардия». С тех пор это издание больше не прерывалось никогда, даже в годы ВОВ. За время существования «ЖЗЛ» вышло 1170 томов общим тиражом более 200 миллионов экз. В последние годы ежегодный выпуск серии «ЖЗЛ» составляет 20-30 биографических книг, а общий тираж серии превысил сегодня 100 млн. экз.

В 2001 году вышел тысячный том серии.

Содержание абсолютного большинства книг серии «ЖЗЛ» отвечает трем главным принципам, провозглашенным редакцией еще в 1950-е годы, - научная достоверность, высокий литературный уровень и занимательность.

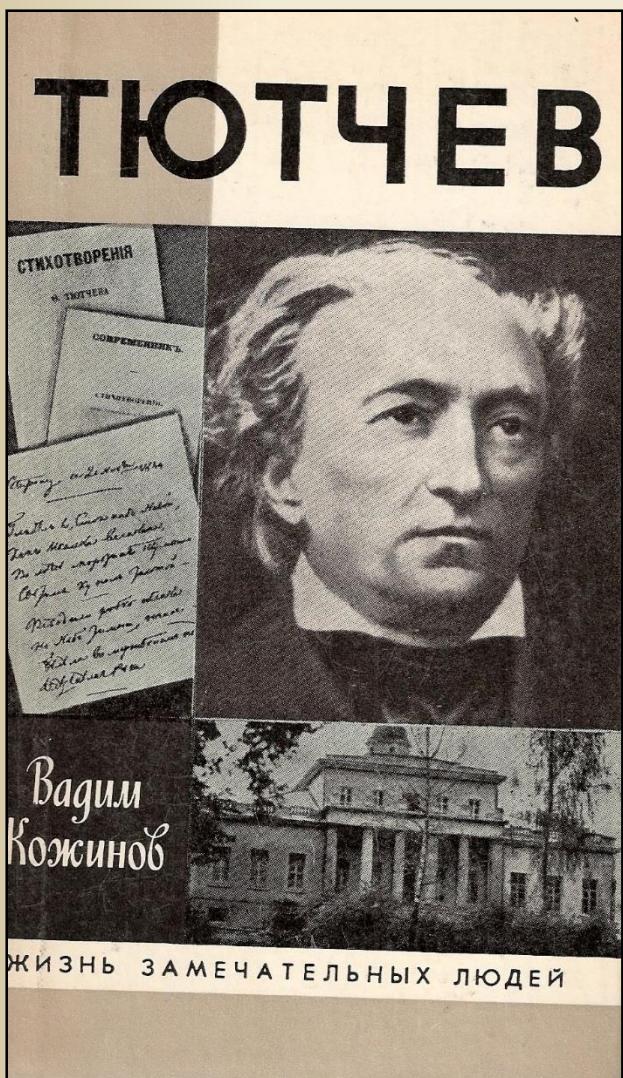
**2015 год объявлен в России Годом литературы.
Именно поэтому мы предлагаем читателям
библиотеки БОУ СПО ВО «Череповецкий
технологический техникум» познакомиться
с имеющимися в фондах изданиями серии ЖЗЛ,
которые посвящены жизни и творчеству великих
русских писателей.**

*Главная задача авторов серии –
дать представление о герое книги
как о живом человеке, увидеть
эпоху, в которую он жил, его
глазами. А это значит – понять
более глубоко нетленные
произведения.
Благодаря этим книгам писатели-
классики и сегодня живы и будут
жить вечно.*

Итак, мы начинаем...

*Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда...
Проснись - теперь иль никогда....*

Кожинов В.В.

Тютчев. – М.; Мол.гвардия, 1988.– 495 (1) с., ил.
– (Жизнь замечат. людей; Сер.биогр. Вып. 9
(687))

Книга представляет собой всецело основанный на документах и свидетельствах современников рассказ о судьбе одного из величайших лирических поэтов; как известно, имя Ф.И.Тютчева было включено в 1918 году - в числе десяти крупнейших русских художников слова – в «Список лиц, коим предположено поставить монументы». Поскольку лирическое творчество особенно нераздельно связано с жизненной судьбой автора, биография Тютчева имеет первостепенное и поистине необходимое значение для понимания его поэзии; в раскрытии этой глубокой связи жизни и творчества и состоит одна из главных задач книги.

Да, поэзия Тютчева насквозь проникнута духом Истории, предчувствием грандиозных событий и переворотов. Но разглядеть и понять все богатство, всю глубину тютчевского творчества очень нелегко. Ибо поэт вложил, вместил свою творческую волю в предельно сжатые лирические образы. То, что у его великих соратников развертывалось в монументальные эпические и драматургические полотна, Тютчев заключил в тесные границы лаконичных стихотворений, где каждая строка как бы несет в себе не меньшую смысловую нагрузку, чем глава романа или сцена драмы. И в самой этой предельной сжатости, концентрированности выразилась неповторимая самобытная природа тютчевского гения.

Одним из необходимых путей открытия поэта является, несомненно, тщательное изучение его жизни во всей целостности этого понятия, — жизни, которая в конечном счете явила основой творчества. Такое изучение призвано, в частности, раскрыть и доказать, что Тютчев, при всем своеобразии судьбы его, был таким же центральным, стержневым деятелем отечественной культуры, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой. В этом, пожалуй, и состоит главная цель книги о жизни Федора Ивановича Тютчева.

Отрывок из Вступления

Н. А. Тютчев, дед поэта.

Тютчев в детстве.

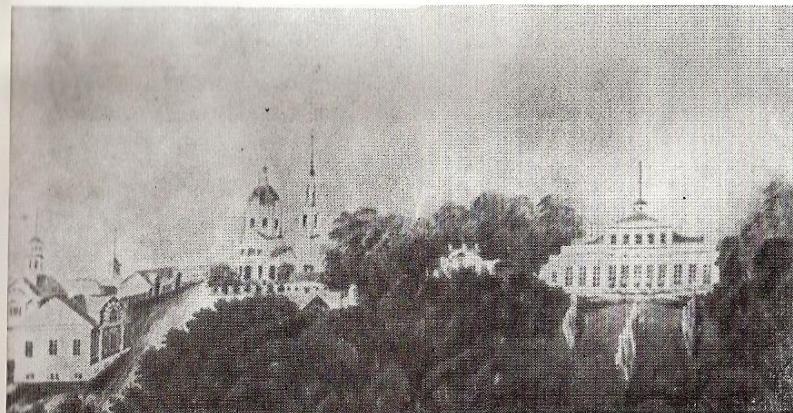

Е. Л. Тютчева, мать поэта.

И. Н. Тютчев, отец поэта.

Усадьба Овстуг.

Тютчев. Конец 1820-х годов.

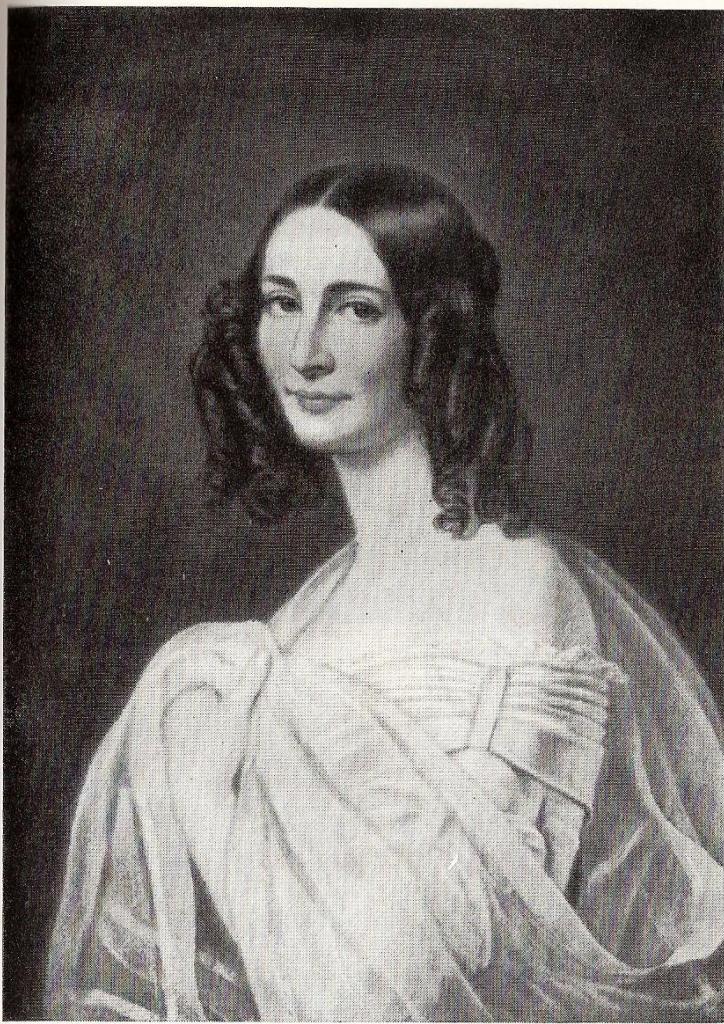

Элеонора Тютчева. Конец 1820-х годов.

Первая жена Ф.И.Тютчева

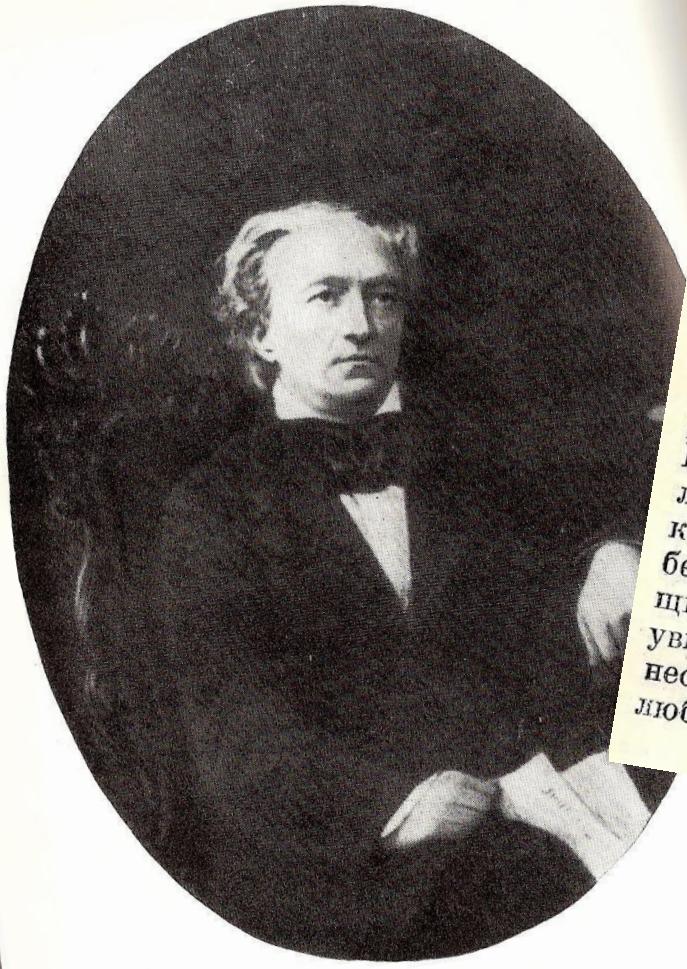

Тютчев. 1840-е годы.

Эрнестина Тютчева. 1840-е годы.

Вторая жена Ф.И.Тютчева

Тютчев. Начало 1850-х годов.

До нас дошла замечательная тютчевская фотография начала 1850-х годов, которая воспроизведена в книге Перед нами лицо, или, пожалуй, умствнее будет сказать — лик поэта-мыслителя, покоряющий зримо запечатленной на нем глубиной и высотой духа. Вместе с тем перед нами прекрасное, выполненное спокойной силы лицо мужчины, мужа в жизненном расцвете (хотя Тютчеву было уже около пятидесяти лет); вглядываясь в него, понимаешь, сколь естественна была вспыхнувшая незадолго до того беспредельная любовь Елены Денисьевой к этому, бывшему в два раза ее старше, человеку. Все более ранние изображения Тютчева явно уступают данной фотографии даже и с точки зрения того, что называется мужской красотой.

Но вглядимся в одну деталь портрета, которую трудно заметить сразу, ибо лицо властно притягивает к себе все внимание. В правой руке поэта — газета, от которой он явно только что поднял глаза. Известны стихи Марины Цветаевой, саркастически клеймящие «читателей газет» вообще; поэтесса упустила, что такие люди, как Тютчев или Достоевский, поистине не могли жить без газет, ибо должны были повседневно слушать бьющийся в них живой пульс мировой истории. И, как мы увидим, политика (и в том числе газеты как таковые) неотделима и от поэзии Тютчева, и даже от самой его любви...

Елена Денисьева. Начало 1850-х годов.

Любовь, любовь – гласит
преданье-
Союз души с душой
Их съединенье, родной-
сочетанье,
И роковое их слиянье,
И поединок роковой...

Федор Тютчев

Елена Денисьева – величайшая любовь всей жизни поэта

в каждом стихотворении, обращенном к Эрнестине Федоровне:

...Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!

Все, что сберечь мне удалось,
Надежды, веры и любви...

Совсем иной человеческий облик в стихотворениях, посвященных Елене Денисьевой, — хотя бы в только что цитированном — о своем равной волне. Здесь жизнь является себя во всей своей противоречивой цельности, с ее сверхъестественными взлетами и темными глубинами. И сами взаимоотношения любящих не имеют в себе ничего идиллического.

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочтанье,

(но так гласит преданье, а реальность не сводится к этому)

И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

Конечно, все тяжкое, мучительное, роковое в последней любви поэта связано с той раздвоенностью, которую он не в силах был преодолеть. И все же нельзя свести к этому смыслу, вложенный поэтом в слово «поединок». Речь идет о любви, захватившей души двух людей до самого дна и как бы размыvшей все границы между ними; «роковое слиянье» с неизбежностью ведет к «роковому поединку».

В 1858 году исполнилось двадцать лет со дня смерти первой жены Тютчева Элеоноры, и он написал стихи (о них уже шла речь), посвященные ее памяти. Они кончались строками о том, как

...Мило-благодатна,
Воздушна и светла
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

Это стихотворение — может быть, без всякого намерения со стороны поэта — содержало своего рода противопоставление последней любви, которая никак не умещалась в рамках благодатности, воздушности и света. Но тем непобедимее была для Тютчева эта любовь, которая, как сказал он сам, была «всюю мою жизнью». При этом не-

обходимо только помнить, что «жизнь» поэта ни в коей мере не представляла собою замкнутое в себе частное существование. Все, что мы знаем о нем, ясно свидетельствует: он жил как бы перед целым Миром во всей беспредельности его пространства и времени.

И жизнь и смерть Елены Денисьевой были для поэта — если не бояться высоких слов — явлением мирового порядка. Это явствует уже хотя бы из того, что едва ли не самое всеобщее по смыслу стихотворение позднего Тютчева — «Два голоса» — имеет отчетливый отзвук в одном из стихотворений памяти Елены Денисьевой, написанном в марте 1865 года, — стихотворении, молящем о том, чтобы не исчезла «мука воспоминания», живая мука.

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе,
По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить...

Тот же вселенский размах в другом стихотворении:

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!

Ритмико-интонационное напряжение этих строк столь мощно, что оно, по-видимому, непосредственно отзывалось через полвека в строках преклонявшегося перед Тютчевым Александра Блока, — строках, говорящих о русской стихии в целом (поэма «Скифы»):

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!

Именно такими масштабами уместно мерить ту Любовь, которой посвящены тютчевские стихи о Елене Денисьевой.

Слова «свой подвиг совершившей» прозвучат еще раз в стихах поэта, созданных уже в самом конце жизни, в августе 1871 года. Здесь сказано о том, что природа «своей всепоглощающей и миротворной бездной» приветствует

~ Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный...

Смысл тут уже иной; и в стихотворении «Два голоса», и в стихах о последней любви нет и намека на «бесполезность» человеческого «подвига». Стихи Тютчева были

St Petersburg, 21 Nov^{me} 1824

Глядел я, стоя над Невой,
Какъ Исаака великан
По шее портного туника
Свѣтился купол золотой -
Всходили робко облака
На Небо Лимон чистое -
Сидѣлъ во первомъ яхте
Адмиралъ Рада

Автограф стихотворения «Глядел я, стоя над Невой»

Автограф тютчевского стихотворения «Глядел я, стоя над Невой» СПб. 21 ноября 1824

Глядел я, стоя над Невой
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в метрвенном покое
Оледенелая река.

Федор Тютчев

Ф. Тютчев

Служение России - такие слова Вадим Кожинов подбирает для деятельности Тютчева на дипломатическом поприще. Поэт играл не последнюю роль во внешней политике России, имел определенное влияние на правительство. Он отчаянно страдал, когда Россия теряла свои позиции в мире.

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

Федор Тютчев

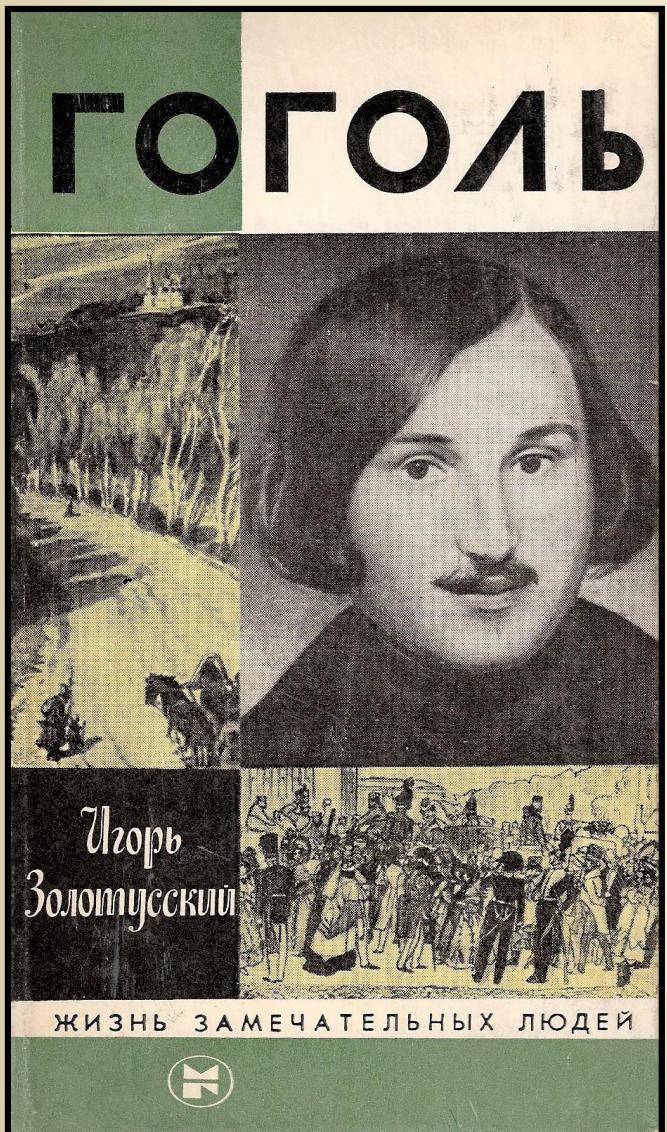
...В сердце моем Русь...

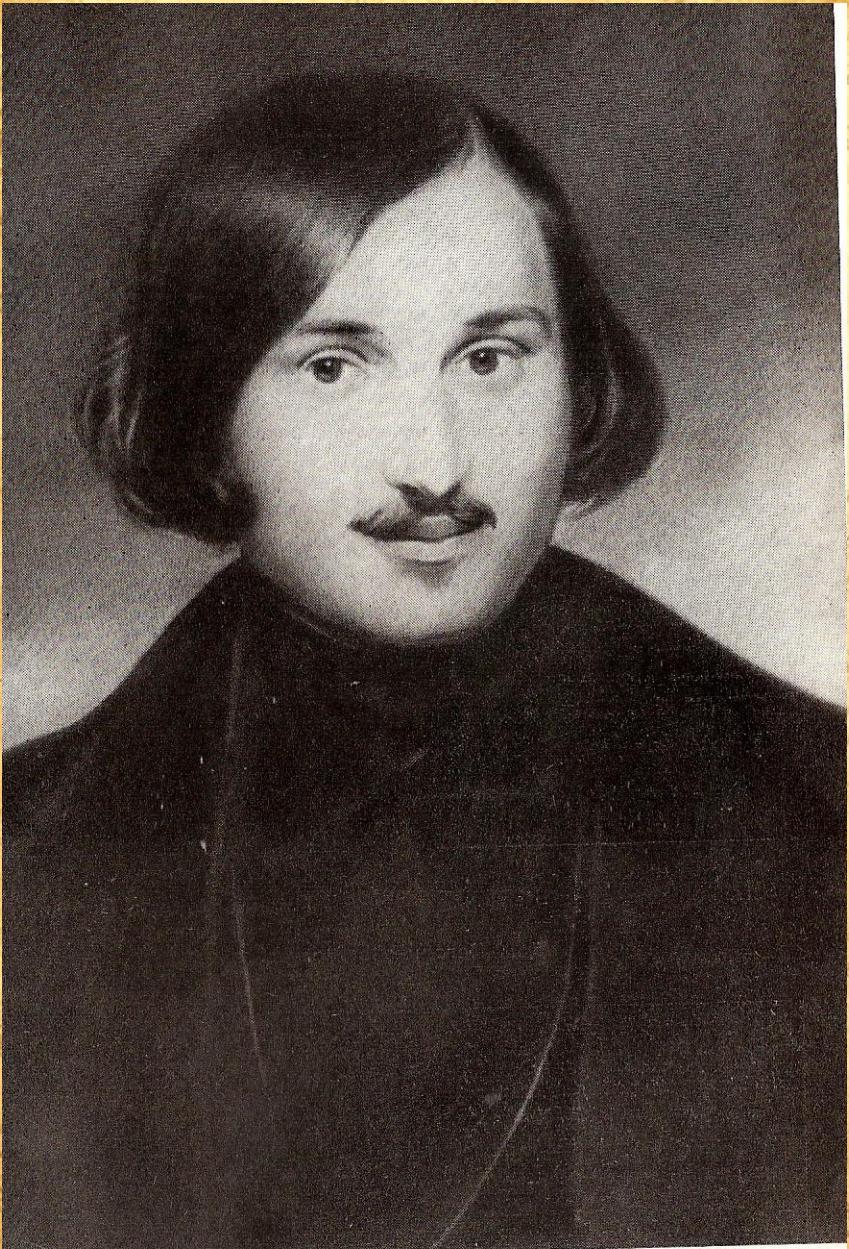
М.В.Гоголь

Золотусский И.П.

Гоголь.– 2-е изд., испр. и доп.– М.:
Мол.гвардия, 1984.– 527 с., мл. –
(Жизнь замечат.людей. Сер.биогр.Вып
11 (595))

Имя Гоголя стоит в истории русской литературы вслед за именем Пушкина. Гоголь – продолжение Пушкина и начало новой эпохи в художественном сознании России 19 века. Автор этой книги рассматривает Гоголя не только как писателя, но и как мыслителя, в судьбе которого так или иначе отразилась судьба литературы и общественной мысли того времени. Автор использует малоизвестные материалы о Гоголе, опирается на документы, черновики и рукописи писателя, а также на неизданную переписку его современников.

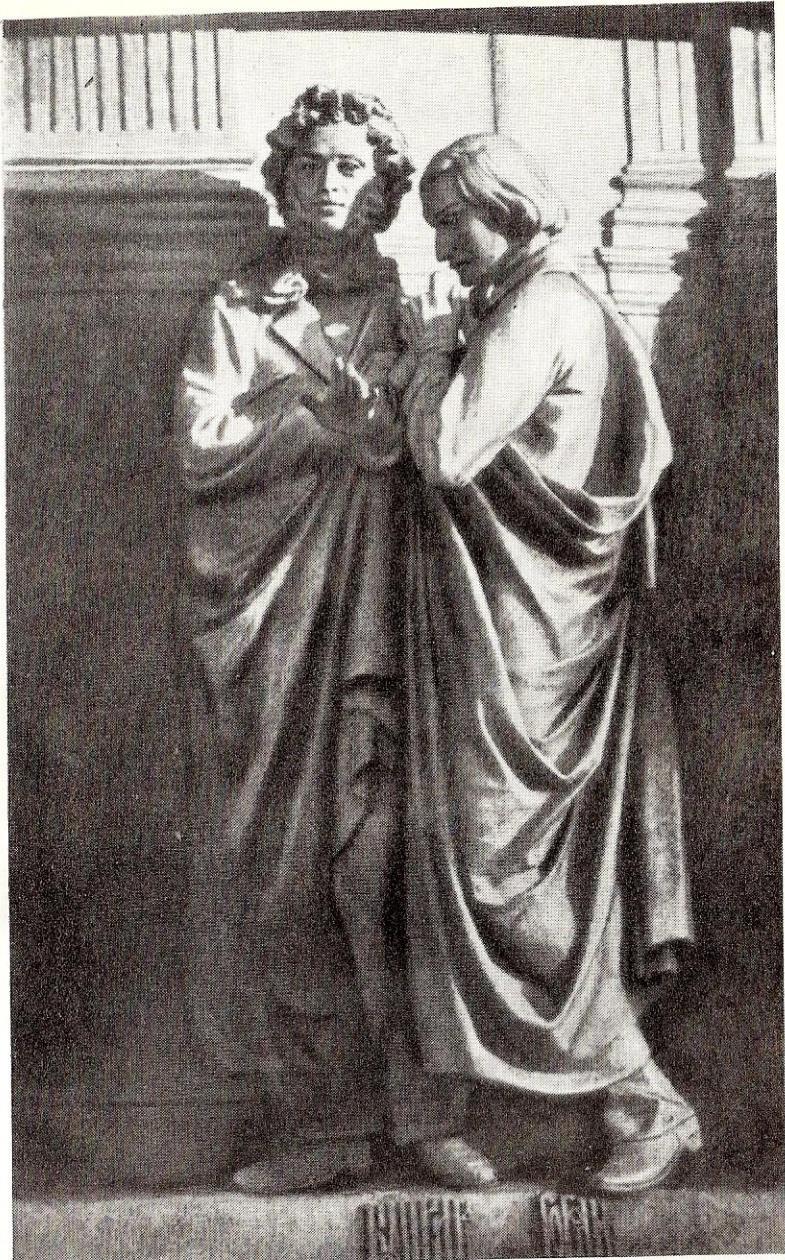

«Н. В. Гоголь». Портрет работы Ф. А. Моллера. 1841 г.

**Еще с самых времен
прошлых, с самых лет
почти непонимания, я
пламенел неугасимою
ревностью сделать жизнь
свою нужною для блага
государства, я кипел
принести хотя малейшую
пользу.**

Н.В.Гоголь
Октябрь 1827

А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь. Из скульптурной группы на памятнике Тысячелетию России в Новгороде.

Дружба Гоголя и Пушкина - высокий образец творческого общения двух великих русских писателей. Именно Пушкин дал Гоголю сюжет для его поэмы «Мертвые души» и тему для комедии «Ревизор».

«Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним» - писал Гоголь после смерти Пушкина.

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русской человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русской язык, русской характер...»

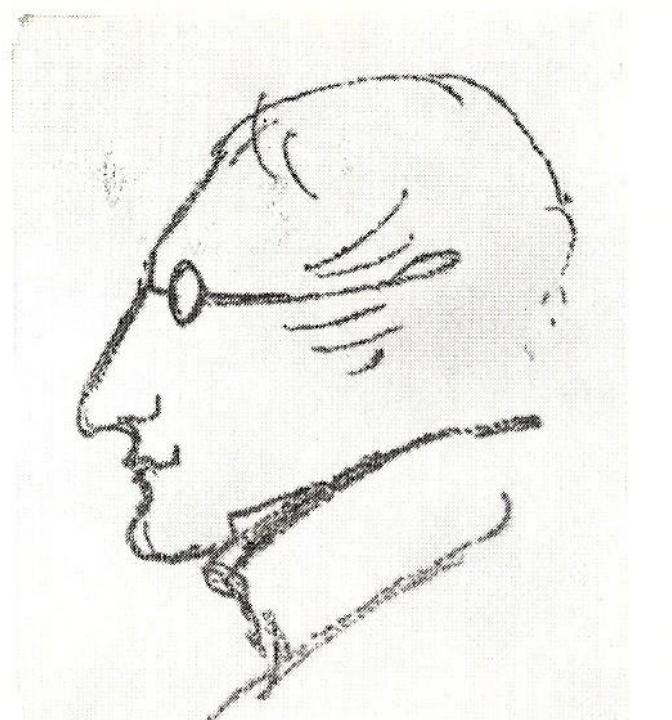
Гоголь. Несколько слов о Пушкине

«А. С. Пушкин». Рисунок Гоголя. 1833 г.

Пушкин. Рисунок Гоголя 1833 г.

«Н. В. Гоголь».
Рисунок
А. С. Пушкина.
1833 г.

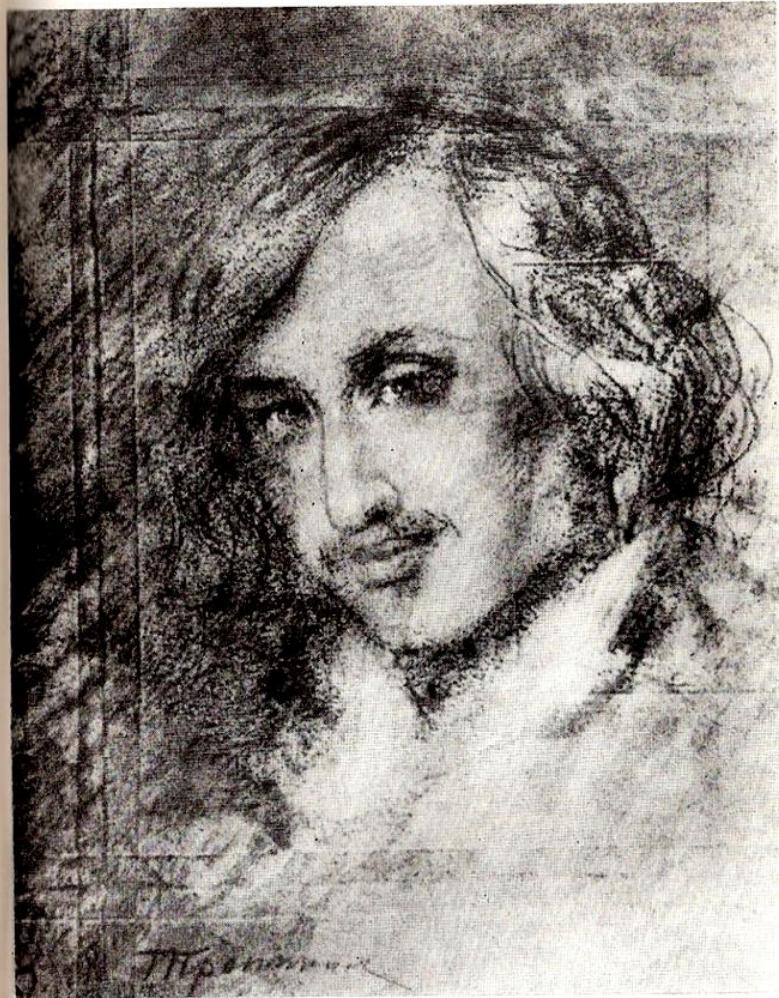
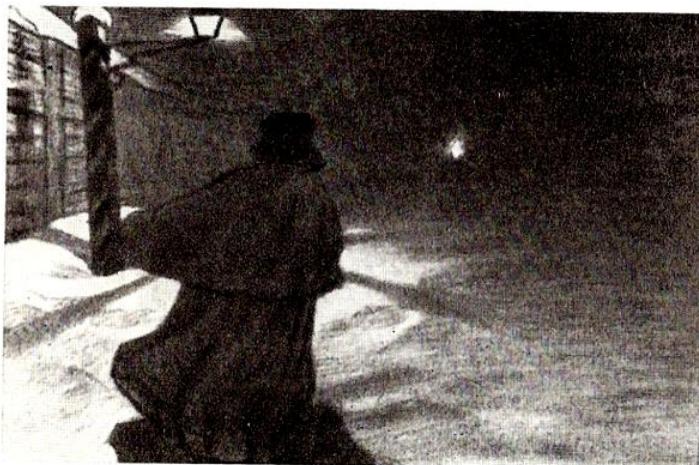
Гоголь. Рисунок Пушкина 1833г.

Страницы с иллюстрациями из книги

Обложка
первого издания
«Мертвых душ»,
сделанная
по рисунку Гоголя.
1842 г.

«Шинель».
Иллюстрация
Б. М. Кустодиева.

«Н. В. Гоголь». Этюд В. А. Тропинина (?).

шанс. Многи сказали это лицо беспомощно, паскос, поклоняется
тихим людям, пробирающимся в гавань, постыдился появления
глупого готовится будущий Загородский. Этакое скопище уродов
общества из которых ~~наиболее~~^{самые} ханое подобъ тѣмновес
правило, искит, извративши по своему ~~смысли~~^{смысли} ире, доинко быв
Быкавъ въ отпоръ ему дичью приспомѣтъ которыи единогрѣхъ
заро въ Гауково. Въ досадѣ и справедливости негодованію прѣты
въ Сокр., Гаукъ переходилъ также въ иллюстровъ незадолго
что черезъ это самое широкъ этомъ небодернѣйшій выигралъ свой,
онъ заслужилъ самъ нестерпимъ и даже смешнъ. Всѣ лица
Комедіи Грибоедова суть такие же души поист просвѣщенніи, какъ
бронзовыи, а туи непросвѣщеннія; рускіе уроды, временные
прѣходящіе лица, обрадовавшиесь бѣдѣ бѣженцевъ новой земли.

Причино Бѣлого тѣла и то что иль иль изъ нихъ; ~~Бѣлый~~^{Бѣлые}
несколько Рускаго гражданства. Зрителъ остается въ недоумѣніи
нашестъ тѣхъ генъ орнажъ быть рускимъ человѣкомъ. Даже то иль
которое видно по видимому въ образѣ тѣснѣ ^{самъ} ~~жаждѣній~~^{жажды} покуда-
етъ ваетъ тѣло и пределъ генъ то сдѣлается ^{такъ} только негод-
баше противу того что пружинитъ и мерзко въ одустьѣ, но
даєтъ въ иль обрадуетъ обществу.

Из статьи «В чем же наконец существо русской поэзии
и в чем ее особенность».

Начертано рукою
Николая Васильевича Гоголя...

Основные произведения Н.В.Гоголя

Сборники повестей: "Вечера на хуторе близ Диканьки", часть 1, 1831 ("Сорочинская ярмарка", "Вечер накануне Ивана Купала", опубл. 1830 под назв. "Басаврюк", "Майская ночь, или Утопленница", "Пропавшая грамота"), часть 2, 1832 ("Ночь перед Рождеством", "Страшная месть", "Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка", "Заколдованные места")

"Миргород", 1835 (часть 1 — "Старосветские помещики", "Тарас Бульба", нов. ред. 1839-41; часть 2 — "Вий", "Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем")

"Арабески", 1835 (повести "Невский проспект", "Записки сумасшедшего", "Портрет", 1-я ред.; главы из незаконченного романа "Гетьман"; статьи, в том числе "Несколько слов о Пушкине", "О малороссийских песнях" и др.)
Повести: "Нос" (1836), "Коляска" (1836), "Шинель" (1942).

Комедии: "Ревизор" (1836), "Театральный разъезд после представления новой комедии" (1842), "Женитьба" (1842), "Игроки" (1842).

Поэма (в прозе) "Мёртвые души" (т.1, 1842; т.2 уничтожен автором, частично опубл. 1855)

Книга "Выбранные места из переписки с друзьями" (1847)

В восемь часов утра 21 февраля 1852 года дыхание его прекратилось

День и ночь дежурили у гроба Гоголя студенты и профессора Московского университета, гроб был засыпан на память цветы, голова Гоголя увенчана лавровым венком. Брали хоть что-то о нем. Утром 24 листья — хотели сохранить ревивший своего любимца, закрыл гроб крышкой. Гроб подняли на руки и понесли. И так до самого Данилова монастыря, где вырыта была могила, несли его на руках, восемь верст по глубокому сырому снегу, выпавшему накануне. Шли мужики и бары, генералы и торговцы, слуги и студенты, писатели, простой народ, презжающие, и не было между ними в эту минуту различия — тоже был здесь, Хомякова, плачущего, как дитя, от Грановского, старого от малого. Даже те, кто всегда остался спокойным, кто и в годы великих потрясений народных умеет думать о собственной обиде и прыщке на носу, смущенные обилием провожавшей гроб толпы, спрашивали:

— Кого хоронят?
И такие же, как они, уверенные, что не могут так хоронить простого коллежского асессора, отвечали и важно:

— Генерала хоронят.
Бот и удостоился он посмертно звания генерала, которое всегда высмеивал, к которому так недостижимо тянулись все его титулярные советники, безумные лжецы и вральи, добрые люди и помешавшиеся на несчастные. Бот и произвели его в этот ЧИН, который он всю жизнь презирал и над которым посмеивался.

В доме Талызина на Никитском бульваре, в квартире умершего составлялся акт об оставшемся имуществе «скончавшегося от простуды коллежского асессора Гоголя». Квартальный надзиратель Протопопов вынимал из шкафа вещи и указывал: «Шуба епотовая, крытая черным сукном, старая, довольно поштная, два старых суконных сертука черного сукна, один из них фасоном пальто, черное листриковое пальто, один из них фасоном пальто белого цвета, одно парусиновое пальто старое...» Он останавливался, переводил дух и продолжал: «Одни панталоны трековые мраморного цвета, трое старых парусиновых панталон», — квартальный при этом все время заглядывал в лежащую перед ним на столе опись, — «пять старых бархатных жилетов разных цветов... одна старая полотняная простыня, три старых холстинных простыни, семь шерстяных старых фуфаков, три нары нитяных и три шерстяных старых носков, три полотняных носовых старых платков...»
Итого — вместе с золотыми карманными часами о двух золотых досках под № мастера 8291 и русскими и иностранными книгами, которых насчитывалось общей численностью двести тридцать четыре, имущество покойного Николая Васильевича Гоголя составляло стоимость в 43 рубля 88 копеек серебром.

Фотопортрет Н. В. Гоголя из
группового daguerreotype
С. Л. Левицкого.
Автор К. А. Фишер

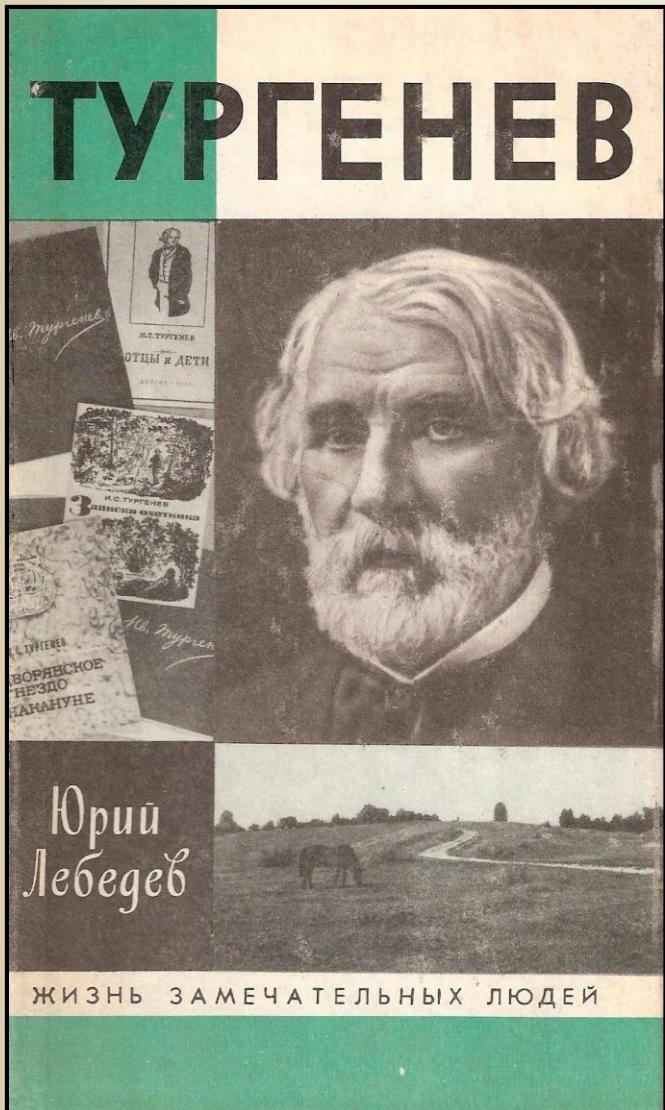
**В литературном
мире нет смерти,
и мертвцы так же
вмешиваются в
дела наши и
действуют
вместе с нами, как
живые.**

N. Gogol

*Русскому нельзя не скучать по России, куда бы он ни
приехал. Другой России для русского нигде
не найдется. Россия – русские –
это нечто совсем особенное.*

И.Тургенев

Лебедев Ю.В.

Тургенев. – М.: Мол.гвардия, 1990. – 608 с., ил. – (Жизнь замечательных людей.
Сер.биогр.; Вып.706)

Книга доктора филологических наук, профессора Ю.В.Лебедева посвящена жизненному пути и духовнымисканиям великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Эта биография написана с учетом новых, ранее неизвестных фактов жизни и творчества писателя, которые подчас бросают неожиданный свет на личность Тургенева, позволяют глубже понять его мир.

Воспоминание безмолвно предо мной Свой длинный развивает свиток...

А.С.Пушкин

«Всякий человек сам себя воспитать должен — ну хоть как я, например... А что касается до времени — отчего я от него зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня», — самоуверенно заявлял его Базаров. Дерзкий юноша, он забывал о силе традиций, о зависимости человека от исторического прошлого. Человек — хозяин своей судьбы, но он еще и наследник отцов, детей и прадедов с их культурой, с их деяниями, с их нравственными достоинствами и недостатками. Сколько поколений создавали то «облако», которое грозит обрушиться на человека или благодатным дождем, или разрушительной бурей?

И в памяти всплывали стихи поэта, которого Тургенев всю жизнь боготворил, чей локон волос носил в медальоне на своей груди до самого смертного часа. Шепотом повторил он строки пушкинского «Воспоминания»:

Когда для смертного умолкает шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная налижет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влечатся в тишине
Часы томительного бденья;
В бездействии почтом живей горят во мне
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...

Сергей Николаевич Тургенев, отец писателя.

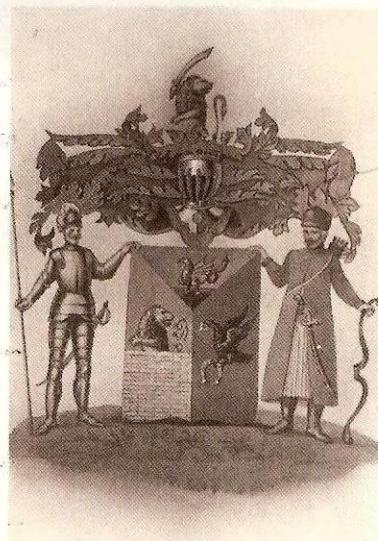
Варвара Петровна Тургенева (Лутовинова), мать писателя.

Спасское, усадебный дом. Совр. фото.

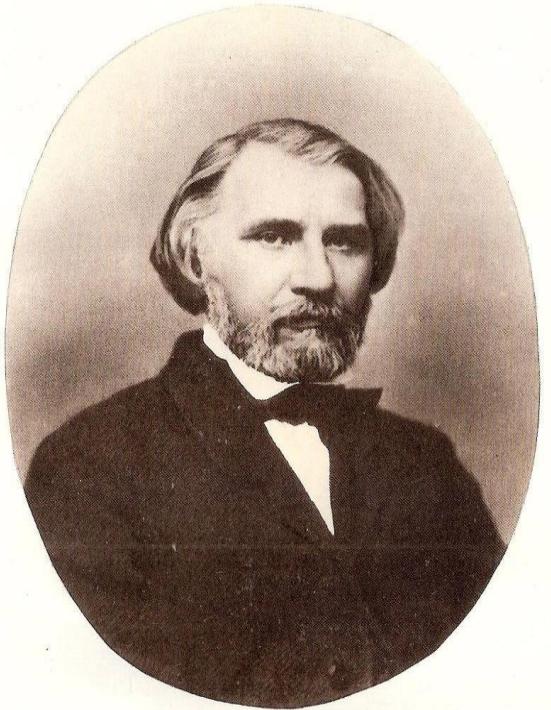
Герб рода Тургеневых.

Герб рода Лутовиновых.

Иван Сергеевич Тургенев в детские годы.

Ив. Тургенев

Любовь к Полине Виардо у русского Тургенева не знала чувства меры и естественного равновесия: она лишь колебалась между полюсами «святости» и «рабства», хотя общение с талантливой артисткой погружало его в атмосферу ценимых и любимых им искусств. Полина Виардо была не только выдающейся певицей, не только незаурядной пианисткой, но и композитором, талантливой по-своему художницей и человеком, наделенным тонким литературным чутьем. Тургенев с детских

Полина Виардо,
1853 г.

П. Соколова, 1853 г.

мужем писал письма, как юный Ромео пятнадцатилетней Джульетте: «Я не могу больше. Я не могу жить вдали от вас. Я должен чувствовать вашу личную близость, наслаждаться ею. День, когда ваши глаза не светили мне, — погибший для меня день... Ах! довольно! довольно! Иначе я не совладаю с собой». Он по-прежнему «с несказанным умилением простирался у её ног», вновь просил «её милые руки», чтобы «вышевать всю душу», рассыпался в словах благодарности за простую справку о здоровье, за «милую записочку». Всякая подробность её жизни оставалась для Тургенева священной и значительной: в письмах к Людвигу Пичу сообщалось об опухоли её пальца, при известии о том, что её нос укусила муха, едва не совершился побег из Спасского в Париж.

Тут чистейшая любовь действительно опасно балансировала на грани подданства: «Для меня её слово — закон!» В разговоре с Полонским Тургенев всерьез говорил о «присухе» и утверждал, что Полина Виардо — колдунья. Николай Сергеевич намекал, что «такие тайны доверяют только брату», а Некрасов настоятельно советовал Тургеневу не шутить со своими нервами и действовать решительно, — иначе не придется уехать из Парижа. Тургенев не послушал. И снова он «исходит в непрестанном обожании» и «на коленях целует священный для него подол ее платья». «Он страдал сознанием, что не может победить женской души и управлять ею», — говорил близкий друг Тургенева П. В. Анненков.

**Какой свет, тоньше и чище
солнечного света, разлился по
всем твоим членам, по малейшим
складкам твоей одежды? Какой
бог своим ласковым дуновением
откинул назад твои
рассыпанные кудри?**

**Его лобзание горит на твоем, как
мрамор, побледневшем челе!
Вот она, открытая тайна,
тайна поэзии, жизни, любви! Вот
оно, вот оно, бессмертие!
Другого бессмертия нет — и не
надо! В это мгновение ты
бессмертна.**

**И. Тургенев.
Стихотворение в прозе
«Стой!»**

Во дни сомнений, во дни
тяжостных раздумий о судьбах
моей родины – ты один мне
поддержка и опора, о великий,
могучий, правдивый и
свободный Русский язык! Не
будь тебя – как не впасть в
отчаянье при виде всего, что
совершается дома? Но нельзя
верить, чтобы такой язык не
был дан великому народу!

И. Тургенев.
Стихотворение в
прозе «Русский язык»

Русский язык.

Во дни сомнений, во дни тяжелых раздумий
о судьбах моей родины – ты один мне под-
держка и опора, о великий, могучий, правдивый и
свободный Русский язык! Не будь меня – как
то впасть в отчаяние, при виде всего, что совер-
шается дома? Но верить страшно, что таки
быть не дан великому народу!

Горб. 1881.

Автограф стихотворения в прозе
«Русский язык»

И. Тургенев

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

И. С. ТУРГЕНЕВА

- 1818, 28 октября (9 ноября нового стиля) — Рождение И. С. Тургенева, «в Орле, в своем доме в 12 часов утра».
- 1833, 20 сентября — Тургенев принят своеюкоштным студентом по словесному отделению философского факультета Московского университета.
- 1834, 18 июля — Тургенев переводится на философский факультет Петербургского университета.
- 1834, 30 октября — Смерть отца.
- 1837, осень — Получает степень кандидата.
- 1838, начало апреля — Выход в свет № 1 «Современника» со стихотворением Тургенева «Вечер».
- 1839, май — Известие о пожаре в Спасском-Лутовинове.
- 1839, август — ноябрь — Тургенев в Спасском-Лутовинове.
- 1840, февраль — начало мая — Путешествие по Италии, дружеские отношения со Станкевичем.
- 1840, 24 июня — В Италии, в городе Нови, скончался Станкевич.
- 1840, 20 июля — Тургенев знакомится с М. А. Бакунином.
- 1841, весна — Тургенев заканчивает занятия в Берлинском университете и возвращается в Россию.
- 1841, лето — В Спасском-Лутовинове Тургенев сближается с А. Е. Ивановой.
- 1841, 10—16 октября — Тургенев посещает Премухино. Начало любовного романа с Т. А. Бакуниной.
- 1842, апрель — май — Сдаст магистерские экзамены по философии и латинской словесности в Петербургском университете.
- 1843, конец февраля — Знакомство с Белинским.
- 1843, апрель — Выход отдельного издания поэмы «Параша».
- 1843, 8 июня — Тургенев зачислен на службу в Министерство внутренних дел.
- 1843, 1 ноября — Тургенев знакомится с Полиной Виардо.
- 1844, лето — Тесное сближение Тургенева с Белинским. Знакомство с Некрасовым.
- 1845, 18 апреля — Тургенев увольняется со службы в Министерстве внутренних дел.
- 1845, около 10 мая — Тургенев вместе с семьей Виардо выезжает во Францию.
- 1845, ноябрь — Тургенев возвращается в Россию. Знакомится с Достоевским.
- 1846 — Выход в свет «Петербургского сборника» с повестью Тургенева «Три портрета» и поэмой «Помещик».
- 1846, конец года — Переход журнала «Современник» в руки Некрасова и Панаева.
- 1847 — В первой книжке «Современника» опубликован очерк «Хорь и Калиныч» из «Записок охотника».
- 1847, январь — Тургенев уезжает за границу.
- 1847, май — июль — Тургенев и Белинский отдыхают в Зальцбурге.

1848, 26 мая — В Петербурге скончался Белинский.

1848, март — декабрь — Дружеское сближение Тургенева с Герценом.

1850, 17 июня — Тургенев выезжает из Парижа в Россию.

1850, 16 ноября — В Москве скончалась мать Тургенева.

1852, 24 февраля — Тургенев узнает о смерти Гоголя.

1852, 16 апреля — Арест Тургенева.

1852, 18 мая — После месячного заключения Тургенев сослан в Спасское-Лутовиново под полицейский надзор.

1852, август — Известие о выходе в свет отдельного издания «Записок охотника».

1853, март — Тайная десятидневная поездка Тургенева в Москву для свидания с П. Виардо.

1853, 23 ноября — Конец сибирской ссылки.

1854, июнь — июль — Увлечение писателя О. А. Тургеневой.

1854, осень — Тургенев охотится вместе с Некрасовым в Спасском-Лутовинове.

1855, январь — Тургенев на юбилее Московского университета, посещает Грановского, А. Н. Островского, Аксаковых.

1855, май — июль — В Спасском-Лутовинове гостят Боткин, Григорович, Дружинин.

1855, 7 октября — Тургенев на похоронах Грановского.

1855, 19 ноября — Л. Н. Толстой возвращается из Севастополя и останавливается на квартире у Тургенева в Петербурге.

1856, январь — февраль — Публикация в «Современнике» романа «Рудин».

1856, лето — Поездки Тургенева в Покровское к М. Н. Толстой. Работа над повестью «Фауст».

1856, середина октября — Тургенев уезжает во Францию.

1857 — Размолвка с Полиной Виардо.

1857, 5 октября — Тургенев выезжает с Боткиным из Парижа в Рим.

1858, 27 мая — Тургенев выезжает в Россию.

1859 — В первом номере «Современника» опубликован роман «Дворянское гнездо».

1859, 29 апреля — Тургенев уезжает за границу.

1859, с 21 по 25 мая — Тургенев в Лондоне. Общение с Герценом.

1859, в середине сентября — Тургенев возвращается в Петербург, затем — в Спасское-Лутовиново. Работает над романом «Накануне».

1860 — В первом и втором номерах «Русского вестника» М. Н. Каткова выходит роман «Накануне». Размолвка Тургенева с Некрасовым и уход из редакции журнала «Современник».

1860, 29 марта — Третий суд между Тургеневым и Гончаровым.

1860, 24 апреля — Отъезд Тургенева за границу.

1860, 27 июля — Свидание в Лондоне с А. И. Герценом.

1860, август — Формулярный список действующих лиц романа «Отцы и дети», составленный Тургеневым во время морских купаний в г. Вентноре на острове Уайт.

1861, 30 апреля — Тургенев возвращается на родину.

1861, 27 мая — Ссора Тургенева с Л. Н. Толстым в имении Фе-та Степановка.

«Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия — родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на нем — не то плывет, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух — молоко парное!»

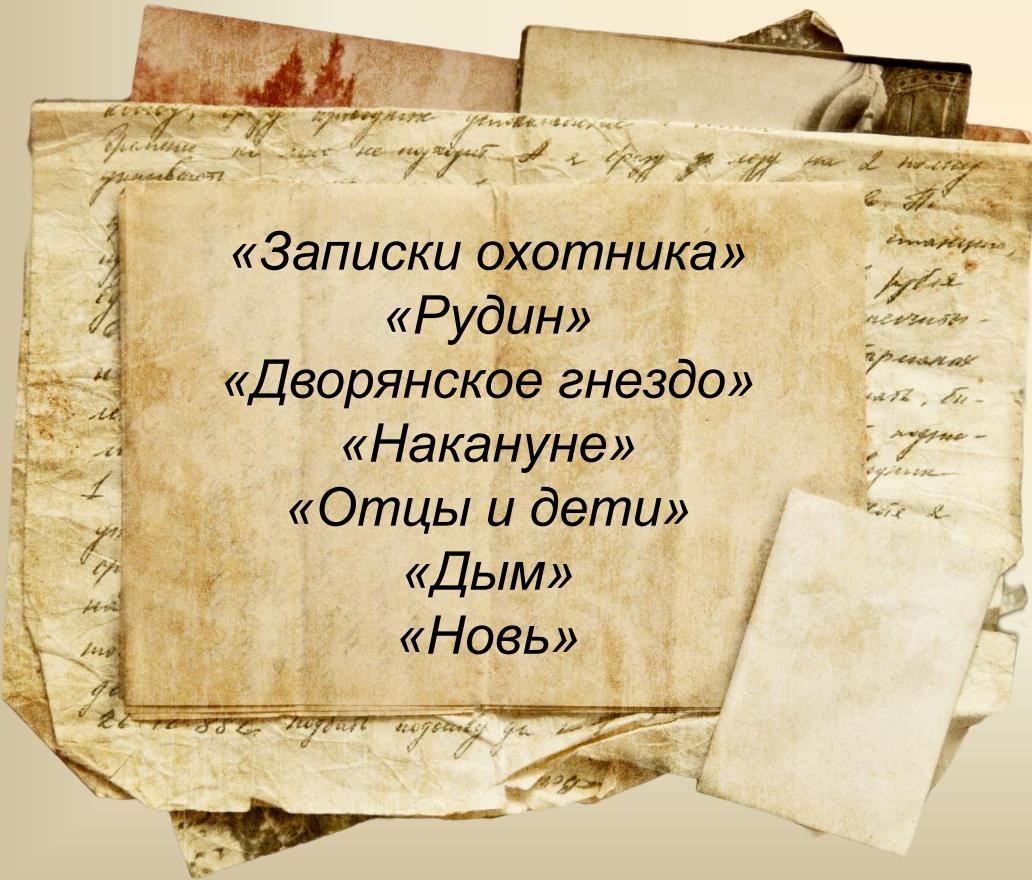
Кто знает, не эти ли картины жизни вольной русской деревни пронесились в его угасающем сознании, когда 22 августа 1883 года, в два часа пополудни, оставил он мир земной?..

После смерти черты его лица приняли спокойный, ласковый и мягкий характер, следы страдания исчезли.

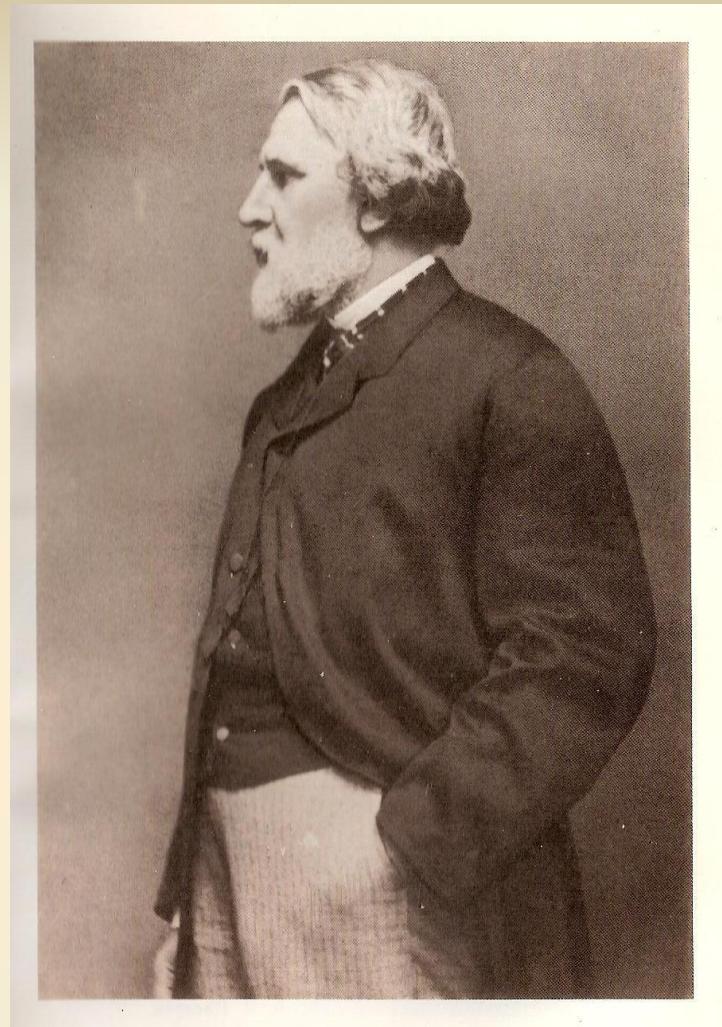
27 сентября 1883 года, в Петербурге, Россия торжественно похоронила его, согласно завещанию, со всеми почестями, достойными его замечательного таланта.

Открылась новая страница его судьбы: жизни после смерти, его бессмертия.

603

«Записки охотника»
«Рудин»
«Дворянское гнездо»
«Накануне»
«Отцы и дети»
«Дым»
«Новь»

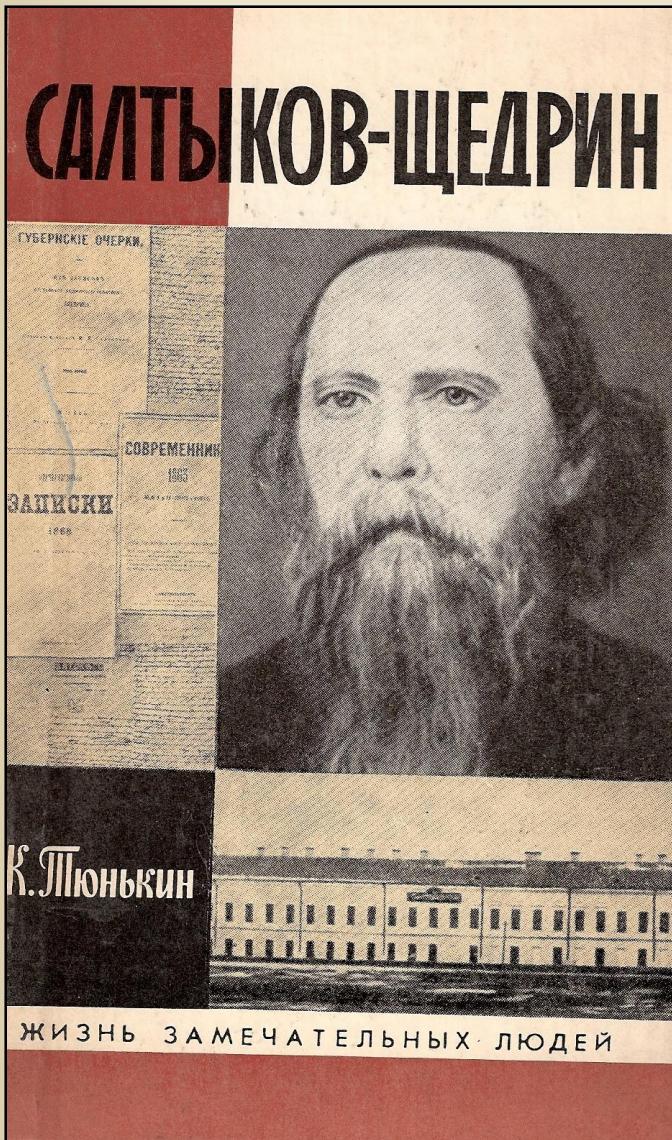

**Открылась новая
страница его судьбы:
жизни после смерти, его
бессмертия.**

В.Кожинов

**Жизнь – это жестокая неизбежность, и не всякому
дано поднять против нее знамя бунта.**

М.Е.Салтыков-Щедрин

**Тюнкин К.И.
Салтыков-Щедрин. – М.: Мол.гвардия,
1989.– 621 {3} с., ил. – (Жизнь
замечательных людей. Сер.биогр.
Вып.3 (694))**

Биография великого русского писателя-сатирика – это драматическая история человеческой личности в ее неуклонном стремлении к идеалу и столь же неуклонном, непримиримом неприятии всего, что идеалу противостоит. Это история страстной, всегда неудовлетворенной, всегда ищущей, «горящей» мысли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однажды, употребив в разговоре крепкое словцо, Салтыков сказал о себе: «Да, я мужик!» Он мог бы прибавить: таким меня и принимайте. И действительно, не только в характерном, насмешливом и точном слове, но и в самой внешности Салтыкова, особенно к старости, было что-то простонародное, крестьянское. Изможденное лицо, упорный, самоуглубленный, проницательный взгляд — это был взгляд умудренного, постигнутого многими жизненными невзгодами и трудами простого русского человека. Это было лицо, как бы воплотившее в себе мудрость, страдания и веру великого народа.

Но, как всегда, понимал Салтыков эту веру по-своему. Его часто мучила и даже раздражала пассивная покорность русского мужика своей от века сложившейся судьбе, его «бедность сознанием». Прочитав как-то (это было в 1885 году) отрывки из «Исповеди» Льва Толстого (полностью «Исповедь» тогда еще не была в России напечатана), Салтыков задумался о действительной «вере» русского крестьянина. Та ли это вера, которую так упорно отставали раскольники, та ли это вера, на которую упирали Толстые и Достоевские, там ли они ее искали? Во что верит русский мужик, с непреоборимым упорством и бесконечным самоотвержением возделывающий свою землю? Что дает ему силу нести свой тяжкий крест?

И надо ли возводить непробиваемую стену между верой мужика и верой русского истинно «культурного человека», человека мысли и сознания?

«Всего обиднее тут ссылка на народ, — писал Салтыков по поводу толстовской «Исповеди», — народ вовсе не думает о самосовершенствовании... а просто верует. Верует в три вещи: в свой труд, в творчество природы и в то, что жизнь не есть озорство. Это и вера и в то же время дело, то есть дело в форме, доступной народу». Такой же была и вера Салтыкова: непреклонная вера в то, что жизнь не есть озорство, что жизнь дана человеку, чтобы честно и истово совершить свое дело, свой труд. Такая жизнь требует ясного сознания и ответствен-

ности, если надо — самоотречения и жертвы. Она захватывает всего человека.

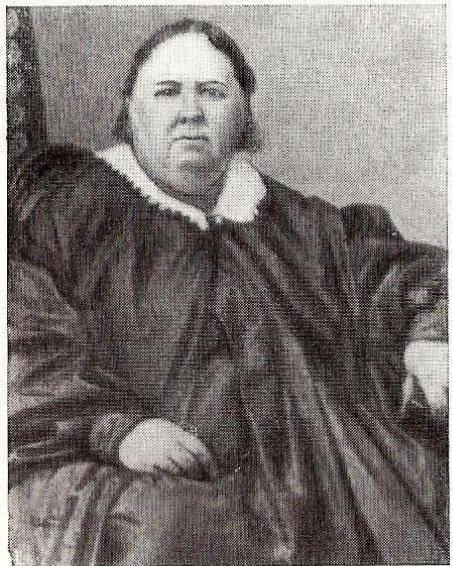
Главным делом жизни стало для Салтыкова литературное дело. В последнем своем письме — завещании сыну он так и писал: «Паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочтай всячому другому».

Михаил Евграфович Салтыков прожил, в общем, не столь уж длинную жизнь, — в особенности если сравнить его с такими писателями, как, например, Гончаров или Лев Толстой. За три с небольшим месяца до смерти, ему исполнилось всего лишь шестьдесят три года.

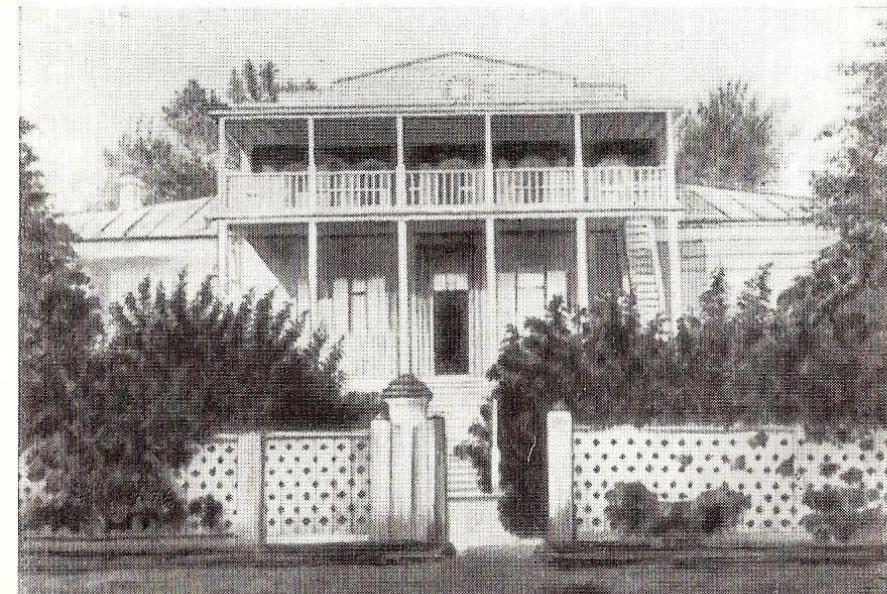
И тем не менее это была долгая жизнь, ибо вся она до предела отдавалась неустанный, не прерывавшейся буквально ни на мгновение, литературной работе, общественной и редакторской деятельности, а, главное, была насыщена постоянным, ярчайшим горением беспокойной мысли — все более проникновенной, глубокой и беспощадно трезвой, имевшей в предмете своем лишь одно — искание истины.

В итоге — как результат необыкновенной, почти аскетической, самодисциплины, осознанной и целеустремленной «выделки» характера — сложилась личность огромного величия и силы, личность гениального мыслителя и художника, «сатирического старца», которого «трепещет вся литература», по словам Достоевского. «Ювеналова бича» «сатирического старца» трепетала, однако, отнюдь не вся литература, и даже в первую очередь, не литература. Трепетали и ненавидели Салтыкова те общественные, политические, литературные силы, которые желали бы остановить русское общественное движение, поставить на нем «точку», повернуть вспять; те силы, которые, руководствуясь в конце концов своими корыстными целями, объективно вели Россию к застою, падению и гибели. Салтыкова трепетали и боялись прежде и больше всего власти имущие. «Ювеналов бич» — его главное и грозное оружие — клал свою «неизгладимую печать» на «лица бесстыдно-бледные» и «лбы широко-медные» (Пушкин) царских бюрократов, вдохновителей и деятелей дворянской реакции, буржуазных хищников, только что народившихся тогда в России.

Но сатирическое творчество Салтыкова-Щедрина, обращенное своим острием, своим беспощадным жалом в сторону столпов самодержавного режима, его ревнителей и охранителей, бичевавшее поместьчью реакцию и паразитизм «чумазых» (русских буржуа), было творчеством

Дом Салтыковых в селе Спас-Угол.
Акварель Д. Н. Афанасьева по рисунку начала 1900-х годов.

М. Е. Салтыков
в раннем детстве.
Портрет крепостного
художника
Льва Григорьева.
1827(?).

◀ Ольга Михайловна
Салтыкова.
Фотография. 1864.

◀ Евграф Васильевич
Салтыков.
Портрет работы
крепостного художника
Карла Никифорова. 1797.

Московский
Дворянский институт.
Реконструкция
художника
Б. С. Земенкова
по архитектурному
плану 1820-х годов.

**Детство и молодые годы мои были
свидетелями самого разгара
крепостного права. Оно проникало... во
все вообще формы общежития,
одинаково втягивая все сословия... в
окут унизительного бесправия,
всевозможных изворотов лукавства и
страха перед перспективою быть
ежечасно раздавленными.**

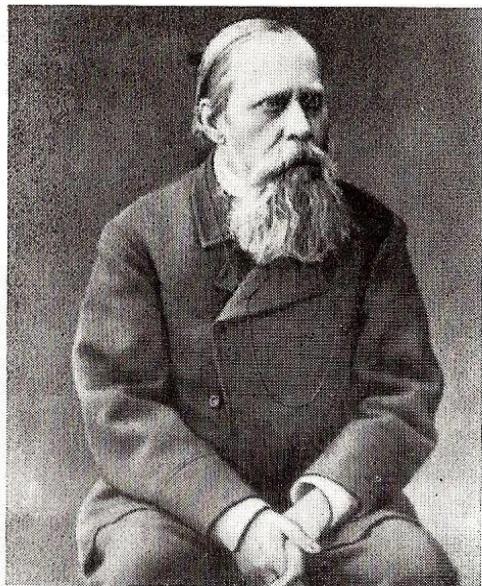
М.Е.Салтыков-Щедрин

Елизавета Аполлоновна Салтыкова (рожд. Болтина)
и А. А. Болтина. Жена и своячница Салтыкова.
Фотография 1860-х годов.

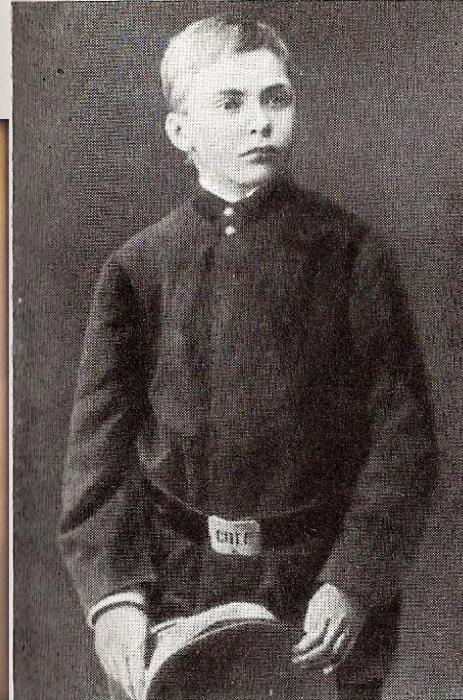
М. Е. Салтыков. 1856.

М. Е. Салтыков.
Фотография начала
1880-х годов.

**Паче всего люби
родную
литературу и
звание
литератора
предпочитай
всякому другому.**

*Из письма к сыну
Константину*

Костя Салтыков.
Начало 1880-х годов.

Е. А. Салтыкова
с сыном Костей. 1873.

Лиза Салтыкова. 1884.

«Противоречия» 1847
«Запутанное дело» 1848
«Губернские очерки» 1856
«Смерть Пазухина» 1857
«Невинные рассказы» 1857-1863
«Сатиры в прозе» 1859-1862
«Помпадуры и помпадурши» 1863-1874
«История одного города»
«Письма о провинции» 1968
«Признаки времени» 1868
«Господа ташкентцы» 1869-1872
«Дневник провинциала в Петербурге»
«Благонамеренные речи» 1872-1876
«Убежище Монрепо» 1878-1879
«Письма к тетеньке» 1881-1882
«Господа Головлевы» 1875-1880
«Современная идиллия» 1877-1883
Сказки 1869-1884
«Мелочи жизни» 1886-1887

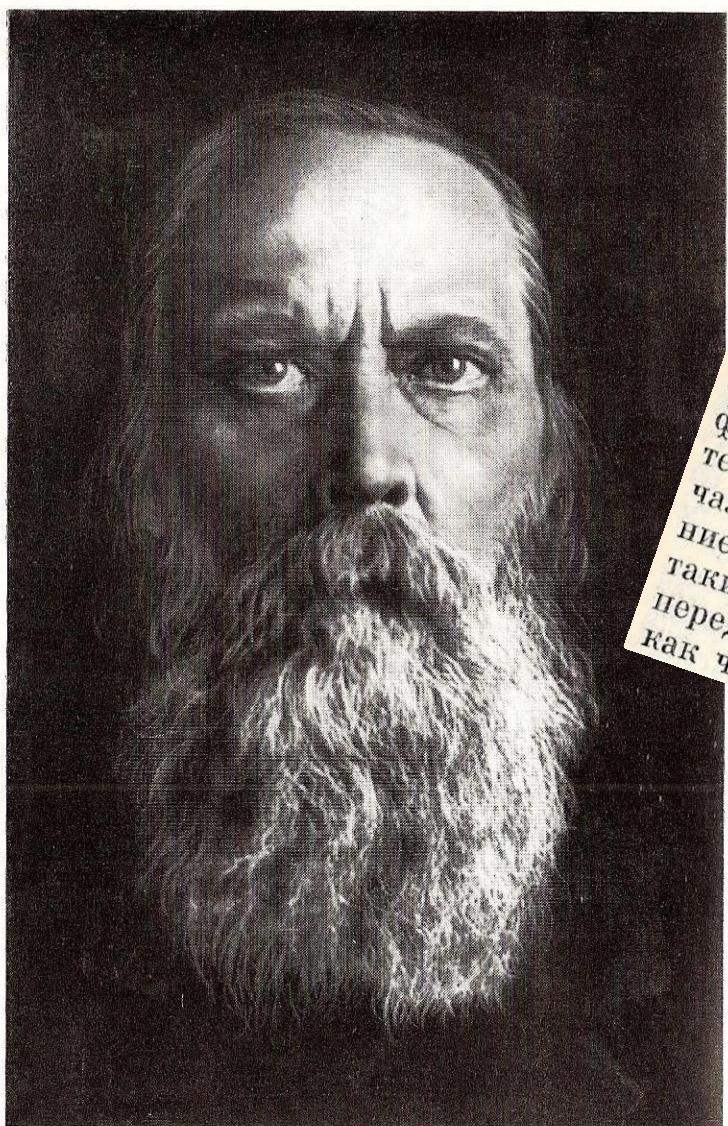

*Изображая жизнь, находящуюся под игом
безумия, я рассчитывал на возбуждение в
читателе горького чувства, а не веселонравия.*

М. Гоголь

**Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу
помыслить себя где-либо кроме России...**

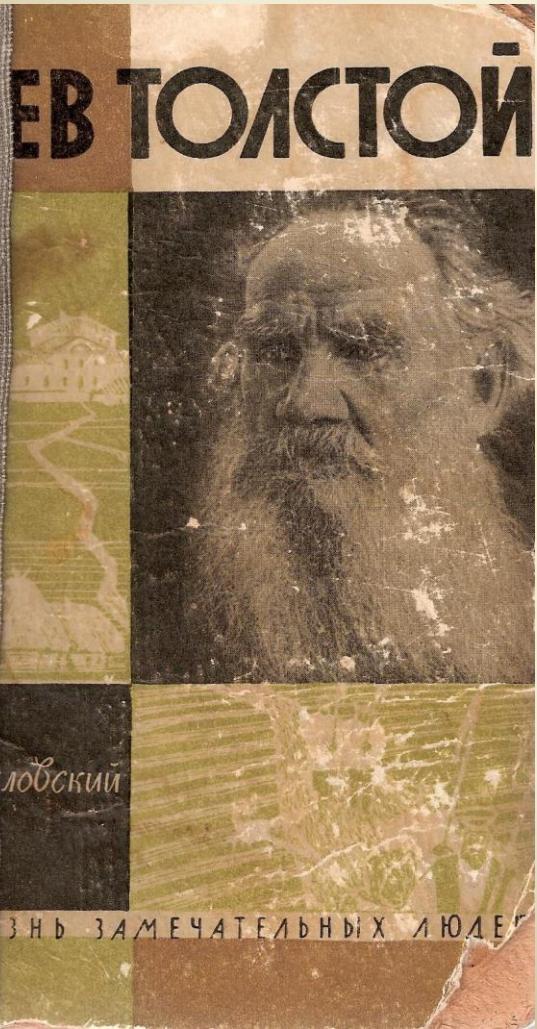
М.Е.Салтыков-Щедрин

Молодой Чехов откликнулся на смерть Салтыкова такими проницательными словами: «Обличать умеет каждый газетчик... но открыто презирать умел один Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения». Да, любить Салтыкова нелегко, но верить ему необходимо. Как никто другой, Салтыков владел нелегким даром — говорить правду. Уйти, скрыться от щедринской правды не мог никто, никому не было дано спрятаться от нее ни за формулами официальной пленависти, ни за благодушием либеральных фраз, ни за проповедью всепрощающей любви и бездействия. Ни те читатели, которые понимали истинное содержание творчества Салтыкова — а таких было не мало, — такие читатели не только не боялись, но преклонялись перед ним и любили его, любили как художника, любили как человека...

Герой моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, - правда.

Лев Толстой

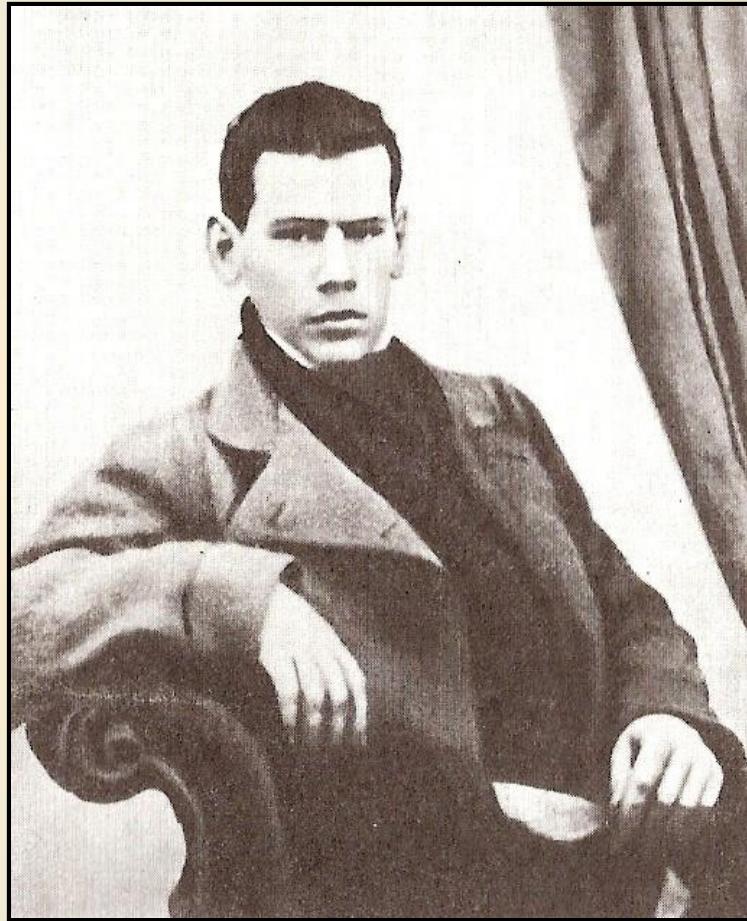
В.Шкловский.

**Лев Толстой. Мол.гвардия, 1963 г. выпуск 6 (363)
864 с., илл.**

Книга написана на основе систематизации документов, изучения дневников Толстого и воспоминаний современников. Жизнь великого писателя, его творчество – это «трагедия величайшего человека, который больше чем полвека владел мыслями всего человечества»(Шкловский). Его судьба сложна и противоречива. «Он противоречив, как противоречивы люди на стыке великих эпох, как герои греческой трагедии»(Шкловский). Суровое обличение гнета, насилия, общественной лжи соединяется в Толстом с его теорией непротивления злу насилием. Отлученный от церкви, непонятый близкими, он ушел из любимой Ясной Поляны.

**Раннее детство - тот период, в котором все
освещено таким милым внутренним светом, в
котором все хороши, всех любишь...**

Л.Толстой

Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский.

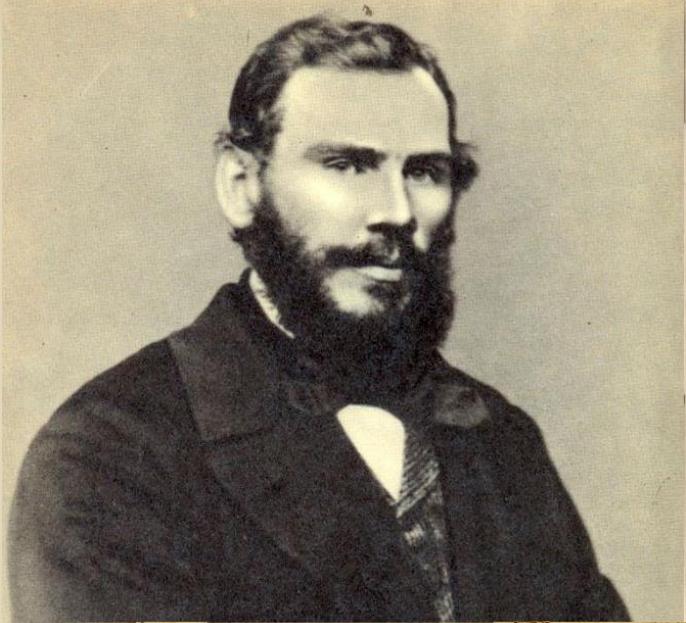
Л.Толстой. Севастополь в декабре месяце.

Участник обороны Севастополя 1854-1855 г.г

*Вот, наконец,
преемник Гоголя-
нисколько на него не
похожий, как оно и
следовало.*

И.С. Тургенев

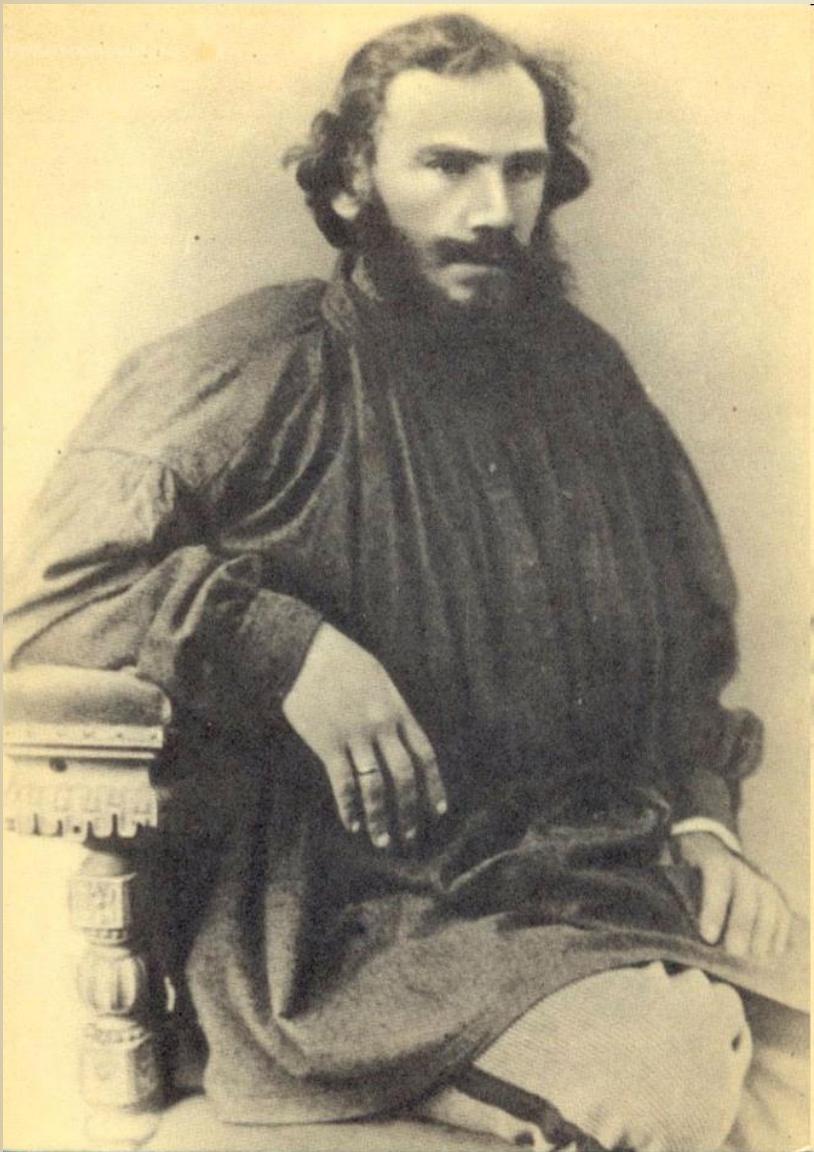
**В воскресенье 23-го сентября я
женюсь на Софье Берс, дочери моего
друга детства Любочки Исленьевой.
Для того, чтобы дать вам понятие
о том, что она такое, надо было бы
писать томы; я счастлив, как не
был с тех пор, как родился.**

**Из письма Л.Толстого А.А.Толстой.
Сентябрь 1862 г.**

С. А. Берс. 1863 г.

Война и мир

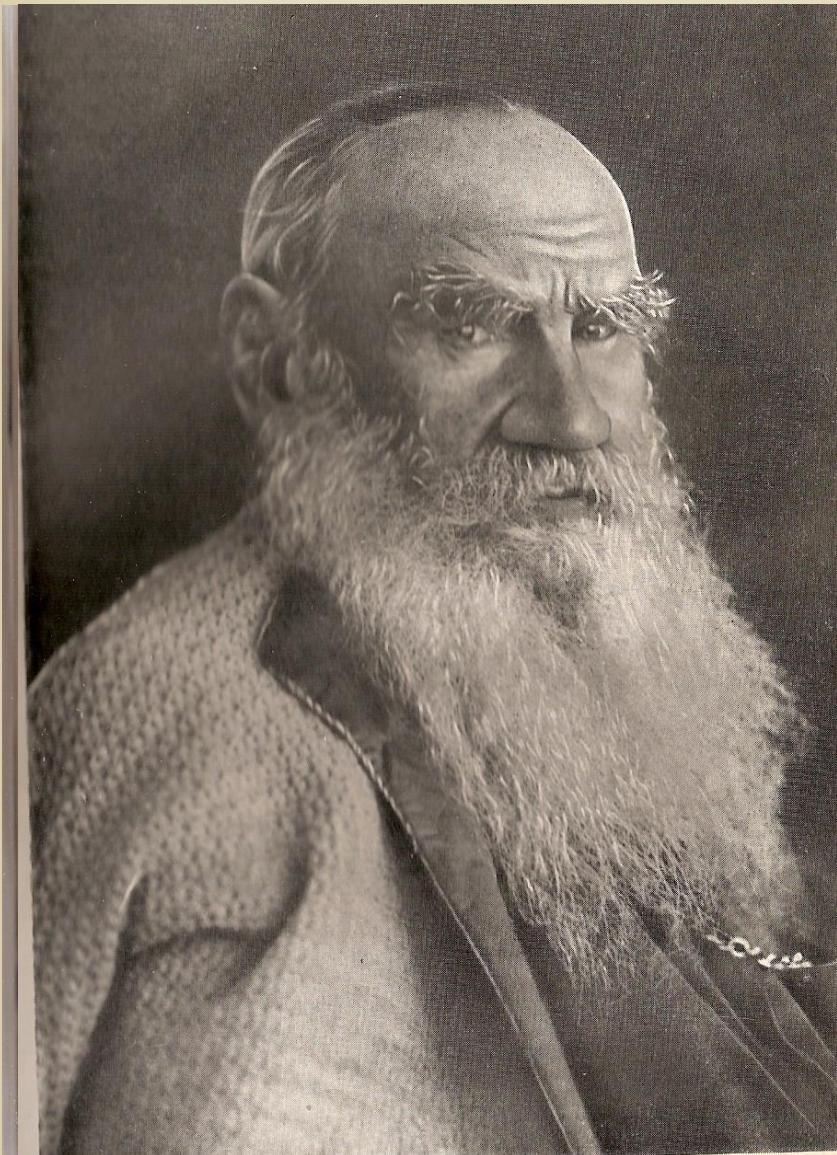
...Работа есть у меня.
Работа эта – роман из
времени 1810 и 20-х годов,
который занимает меня
вполне с осени... Я теперь
писатель всеми силами
своей души, и пишу и
обдумываю, как еще
никогда не писал и не
обдумывал.

Из письма Л. Толстого
А.А. Толстой. 1863 год

**Победа нравственная, та,
которая убеждает противника в
нравственном превосходстве
своего врага и в своем бессилии,
была одержана русскими под
Бородино.**

Л.Толстой

Не могу молчать!

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна, 1907 г.

I.
Всемь смертныхъ приговоровъ: два въ Шетербургъ, одинъ въ Москвѣ, два въ Пензѣ, ~~одинъ въ~~ въ ~~Симбирске~~ ^{Симбирскъ} и въ ~~Кирсановѣ~~ ^{Кирсановѣ} ~~одинъ въ Кирсановѣ~~ ^{одинъ въ Кирсановѣ} казнѣ: двѣ тамъ, одна тамъ. И это въ каждой газетѣ. И это про-
должается не недѣлю, не мѣсяцъ, не годъ, а годы. И происходитъ это въ Россіи, въ той Россіи, въ которой народъ считаетъ всякаго преступника несчастнымъ, и въ которой до самаго послѣдняго времени по закону не было смертной казни. Пом-
ню, какъ гордился я этимъ когда-то передъ европей-
цами, и вотъ второй, третій годъ неперестающія казни, казни, казни.

Беру нынѣшнюю газету.

~~Художникъ~~, что-то ужасное, такое ужасное, что я не верю глазамъ. Въ разност отнять короткій сло-
ве: Сегодня въ Кирсановѣ на Стрѣльбенскомъ полѣ казнены черезъ повѣшеніе двадцать (двадцать) кре-
стьянъ за разбойное нападеніе на усадьбу земле-
владѣльца въ Елизаветградскомъ уѣздѣ. Двадцать ⁶⁹ человекъ изъ тѣхъ самыи людей, трудами которыхъ мы живемъ, тѣ самыи, которыхъ мы всѣми силами развращали и развращаемъ, начиная отъ яда водки и кетчупа.

Статья «Не могу молчать!» (машинописная копия с поправками Л. Н. Толстого).

Машинописная копия страницы статьи «Не могу молчать!» - в ответ на репрессии после революции 1905 года

ковые люди. После того как Лев Николаевич подписал в Крекшине свое завещание, сразу же были проведены три совещания с адвокатом Муравьевым. Оказалось, что все сделано не так, как надо. Решили подписать завещание заново. Для этого опять отправились к Толстому.

Лев Николаевич был тревожен, но бодр. Тяготясь домом, он каждый день ездил по пятнадцать, по двадцать километров.

Дороги выбирал крутые, не боясь подъемов, на которых надо было держаться за холку лошади, чтобы не упасть. Он наслаждался верховой ездой и в то же время стыдился ее. Он видел, что у мужиков нет лошади для пахоты, а он, старый барин, держит коня для потехи. Однажды Толстой велел расковать Делира и отправить его в табун. Потом его уговорили ездить. Это была его единственная радость, единственное наслаждение, единственное время, когда он мог один думать для себя.

Старость настигла Льва Николаевича. Только на коне он себя чувствовал так, будто ему не восемьдесят два года, а сорок лет.

В конце октября 1909 года Ф. А. Страхов приехал к Льву Николаевичу и рассказал о всех затруднениях. Он показал текст нового завещания, которое уже было составлено адвокатом.

Так как Чертков отказывался стать юридическим наследником, то наследником была объявлена Александра Львовна, которой и поручалось распоряжаться литературной собственностью после смерти Толстого.

Вернувшись из поездки в Ясную Поляну, Ф. А. Страхов рассказал Черткову, что Толстой неожиданно выразил желание оставить в общее пользование не только сочинения, написанные им после 1881 года, как предполагалось раньше, но вообще все им написанное. Это было для Черткова ново и неожиданно.

Прежде сам Лев Николаевич иногда шутя говорил, что его старые вещи — это только разговоры балаганного деда перед балаганом, они и служат для

Л. Н. Толстой и С. А. Толстая в годовщину свадьбы.
Ясная Поляна, 1910 г.

Тот сказал, что он сам человек православный и был бы счастлив, если бы отец раскался, но никаких оснований сказать, что Лев Николаевич перед смертью свои убеждения изменил, — нет.

Напечатано было, однако, в черноватой газете «Колокол» письмо «отца Эраст» из Шамордина, будто бы Лев Николаевич собирался затвориться в монастырской келье и готовиться к смерти.

По этому случаю в Шамордине приехал корреспондент «Нового времени» А. Ксюни. Он беседовал с сестрой Толстого и другими монахинями. Оказалось, что «отец Эраст» сам не старец и не монах в скиту не живет. Слов Толстого не слышал, а письмо, которое напечатано в «Колоколе», он писал по слухам.

О том, чего искал Толстой, уйдя из Ясной Поляны, спрашивала Марью Николаевну тогда же из Парижа Шарль Соломон. Она ответила ему 16 января 1911 года:

«Вы хотели бы знать, что мой брат искал в Оптической пустыни? Старца-духовника или мудрого человека, живущего в уединении с богом со своей совестью, который понял бы его и мог бы несколько облегчить его болезнное горе? Я думаю, что он не искал ни того, ни другого. Горе его было слишком сложно; он просто хотел успокоиться и пожить в тихой духовной обстановке... Я не думаю, что он хотел бы вернуться к православию...»

Марья Николаевна очень опечалена была тем, что любимый брат не раскался. Спрашивала у старших разрешения молиться за него, но сообщить о том, что брат изменил свой путь, не могла.

Долгий путь Льва Николаевича Толстого был кончен.

Телеграммы, одна красноречивее другой, перегоняя друг друга, бежали по проводам, сообщая, что умер Толстой. Газеты всего мира печатали печальную весть.

Короленко утром вышел на грязную улицу Полтавы, прошел до угла, газетник передал газету, сказав одно слово:

— Умер.

838

Двое прохожих резко остановились. Все знали, кто умер.

Короленко писал: «Легендарные титаны громоздили горы на горы. Толстой наизути двигал такими горами человеческих чувств, какие не под силу царям и землевладельцам».

Начальство торопилось похоронить Толстого.

Толстой лежал в гробу. У гроба дежурили железнодорожники. Один из них нарисовал на стеле профиль покойного по тени от лампы. Потом прибыли скулепторы из Москвы, сняли маску с покойного.

Приехал художник Леонид ПаSTERnak.

Утром открыты двери дома Озолина. Народ потек рекой.

Потом дубовый гроб перенесли в товарный вагон, украшенный еловыми ветками.

8 ноября в 1 час 15 минут вагон с телом Толстого и второй вагон с двадцатью пятью газетными корреспондентами прицеплены к экстренному поезду.

В Москву запрещено было вывешивать траур, приказано было следить за цветочными магазинами, проверять, какие ленты они готовят для венков. Установлено наблюдение за вокзалами. Из Москвы запрещено отправлять экстренные остались на вокзалах. И в нало не меньше пяти тысяч: студенты, интеллигенты.

Из Парижа в Ясную Поляну вернулся Лев Львович.

Корреспондент «Биржеи» от 11 ноября 1910 года сошла еще далеко. Отовсюду группами. Кто тихо, а кто ке. Видимо-невидимо разбрелись.

Миновали пригород, въшли в станции... Горят костры, а мужчины в нагольных туниках женщин через плечо чехлились...

На вокзале столпотвор граffiti приступа нет... Моло-

где. Повсюду синие студенческие фуражки... Учащийся молодежи из Москвы приехало ровно 5 тысяч. Из них — 906 университантов.

Дорогой в Ясную Поляну — живописная, Пригорки, перелески, мостики. Общий фон светло-серый, и резко, и черно выделялась на нем толпа. В этих похоронах не было внешнего блеска. Представьте себе похороны, увеличенные до исполнительских размеров... Уж меркнет день, а вереница ждущих очреди растет, растет и конца-края нет. Народ все приближается и прибывает добавочными поездами».

В яснополянском доме хотели поставить наряд полиции, но Сергей Львович попросил этого не делать; в доме остался только один полицейский чиновник. Речь было решено не произносить. В одну дверь входили, проходили мимо гроба, выходили в противоположную дверь в сад.

В час 30 минут синовьи и друзья подняли гроб, передали крестьянам. Крестьяне несли на березовых палках белую полосу, на которой было написано: «Лев Николаевич, память о тебе не умрет среди осиротевших крестьян Ясной Поляны».

Могила Льва Николаевича — на том месте, где он приказал себя похоронить, в Заказе — в лесу, который он когда-то велел не рубить, близ оврага, где, по услышанной в детстве легенде, зарыта зеленая пальчика. Ученик яснополянской школы Фоканчик вырыл могилу, глубокую, с крутыми стенами.

Толпа стояла вокруг. Когда опустили гроб, толпа встала на колени.

Раздались возгласы: «Полиция, на колени!»

Полиция сперва стояла среди людей, но им было трудно стоять одним выделенными, как будто лиценным скорби. Страх, чувство вины, чувство оторванности заставили их согнуть колени.

Был снежный день. Был грустный день всего мира.

Я посмотрел вырезки из газет того времени — они остались у меня от покойного Б. М. Эйхенбаума из его библиотеки. Все это напоминает сдерганный шум и мелкий шепот. В газетах отнеслись к смерти как к интересной новости. «Санкт-Петербургская га-

Уход и смерть Льва Толстого

зета» печатала интервью с книгоиздателями, стоит ли Собрание сочинений Льва Николаевича миллион рублей.

Издатель Корбасников говорил, что миллион — деньги большие и тратить их он бы не стал. Были издатели, которые говорили, что такие деньги потратить стоят, хотя бы даже для клакмы.

Но и в газетах прорывались живые слова горя. На фабриках, в университетах решено было бастовать, Кадетская партия обратилась с воззванием воздерживаться от всяких выступлений.

11 ноября было выпущено запрещение московского градоначальника публике скопляться и мешать действиям полиции.

Так поступали и в Петербурге, и в Варшаве, и в маленьких городах.

Я был тогда семнадцатилетним юношей. Пришел на Невский. Мы знали, что рабочие идут с окраин на Невский со знаменами, что их не пропускает полиция. Снега в Петербурге, насколько я помню, тогда не было. Невский был полон от края до края. Таким он не был с 1905—1906 годов. Невский гудел. Полиции всякой было много: пешая, конная, экипажи, были казаки. Полиция тонула в огромной толпе.

Был день солнечный. Демонстрация пришла со знаменами против смертной казни. Много было рабочих — в прямых, ненарядных пальто. Светило солнце, и непразднично одетая сияющая толпа наполнила Невский от Знаменки до Адмиралтейства. Над народом, как пробковые, торчали конные жандармы с прямыми, белыми, жесткими волосинами метелками. Они метались в толпе, стараясь отогнать ее в сторону. Их было много... но из было и мало: они были не страшны, они могли толкать только тех, кто был рядом. Они метались в толпе. Когда толпа отбегала, между черными пальто появлялась полоса желтых торцов, как глиняная мель. Толпа сливалась — и мели торцов исчезали. Полицейские лошади гнали толпу на тротуары, скользили копытами на серых каменных плитах. Плескался черный Невский, занятый толпой, кричавший: «Долой смертную казнь! Долой самодерж-

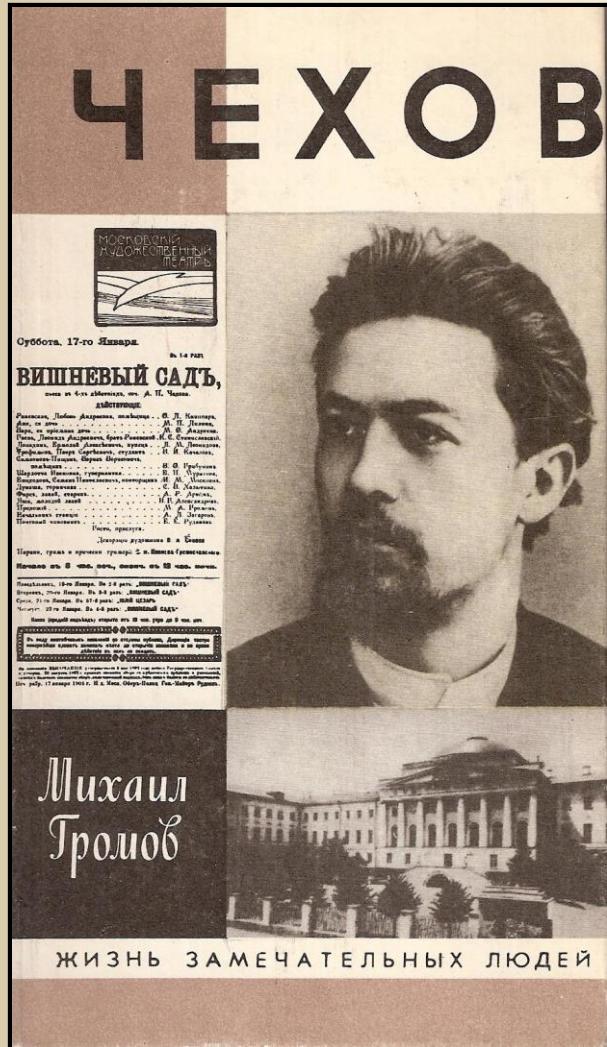
840

Лев Николаевич.

Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья...

А.П.Чехов

Громов М.П.

Чехов. – М.: Мол.гвардия, 1993. – 394(6) с., ил.- (жизнь замечательных людей. Сер.биогр.; Вып.724).

Биография великого русского писателя Антона Павловича Чехова, основанная на серьезном, глубоком анализе творчества и дополненная архивными фотографиями, открывает новые, неожиданные грани жизненной и писательской судьбы, позволяет почувствовать его душевное одиночество: *«Как я буду лежать в могиле один, так в сущности я и живу одиноким»*. Широта и разнообразие фактического материала, достоверное изображение эпохии окружения Чехова, нетрадиционный подход к его биографии, любовь к своему герою – вот что отличает книгу М.П.Громова.

Евгения Яковлевна
Чехова (1835–1919).

Павел Егорович
Чехов (1825–1898).
«Отец и мать
единственные для меня
люди на всем земном
шаре, для которых я
ничего никогда не
пожалею».

Семья Чеховых.
Сидят: Михаил,
Мария, Павел Егорович,
Евгения Яковлевна,
тетка Людмила
Павловна с сыном
Георгием. Стоят:
Иван, Антон, Николай,
Александр, Митрофан
Егорович (брать отца).
1874 г. Таганрог.
Фото С. С. Исаковича.

Дом, в котором родился
А. П. Чехов. Таганрог.
«Дивно: как это
мы могли жить
в нем?» (А. П. Чехов).

1860, 17 (29 января) – родился в Таганроге в семье купца Павла
Георгиевича Чехова. Детство прошло в Таганроге.

Сестра и братья

Мария Чехова (1863–1957).
Фото 80-х годов.
«Она переживает теперь борьбу, и какую отчаянную! Диву даешься! Все рухнуло, что грозило стать жизненной задачей... Она ничем не хуже теперь любой тургеневской героини...» (А. П. Чехов, 1883).

Михаил Чехов (1865–1936).
«Брат Миша влюбился в маленькую графиню, завел с ней жениховские амуры и перед пасхой официально был признан женихом. Любовь лютая, мечты широкие...» (А. П. Чехов, 1893).

Иван Чехов с женой и сыном.
1896 г.

Николай Чехов (1858–1889).
«...гибнет хороший, сильный, русский талант, гибнет ни за гроши...» (А. П. Чехов).

**Меня пишет Браз...Говорят,
что и я и галстук очень
похожи, но выражение
...такое, точно я нанюхался
хрену**

А.П.Чехов, 1898

«ЧЕХОВ НЕУЛОВИМ»

Портрет Чехова, написанный Иосифом Бразом, хранится теперь в запасниках Третьяковской галереи. Выставляют его лишь изредка, в дни чеховских юбилеев и торжеств.

Портрет был заказан П. М. Третьяковым. Браз — тогда совсем еще молодой, начинающий живописец, только что окончивший Петербургскую Академию художеств по классу Репина, — работал надhim более двух лет. Первый вариант (1897) он забраковал сам. Второй, преданный Третьякову, не правился Чехову: «Мне противен бразовский портрет...»; «Ведь это плохой, это ужасный портрет...»; «Кажется, трудно написать менее интересный портрет. Не повезло со мной Бразу».

Художник придал своей модели изящную, слегка ма-перную позу. Чехов тонет в старинном кресле с высокой бархатной спинкой. Худое, тонкое лицо склонено на бескровную руку; за стеклами пенсне — сухие, печальные глаза. Полотно выдержано в голубовато-мглистых тонах. Краски так холодны, как будто портрет внесли сюда прямо с мороза, и он в этом теплом и людном зале сразу заиндевел. Только пятна лессировки у щек тлеют бледным румянцем болезни.

Элегантный портрет.

«...портрет мне не кажется интересным. Что-то есть в нем не мое и нет чего-то моего».

Браз — живописец *fin du siècle*¹ — понял Чехова как человека своего круга. Он писал обобщенный тип российского интеллигента конца века: «Мы увидим все небо в алмазах... мы отдохнем...»

Портрет Чехова, написанный одним из его персонажей.

«Если я стал пессимистом и пишу мрачные рассказы, то виноват в этом портрет мой».

¹ Конца века (*фр.*).

Размноженный в бесконечных копиях, портрет из Третьяковки стал обязательным, как документ. К нему привыкли, и сила этой привычки столь велика, что реальные свидетельства о Чехове удивляют. Например, в отпускном билете, выданном в 1879 году Таганрогской мещанской управой, обозначен рост Чехова: 2 аршина 9 вершков (выше 180 сантиметров). А все кажется, что Чехов — это невысокий хрупкий человек, со слабой грудью, с негромким, хрипловатым от тяжелой легочной болезни голосом.

Голос у него был «низкий бас с густым металлом; дикция настоящая русская, с оттенком чисто великорусского наречия; интонации гибкие, даже переливающиеся в какой-то легкий распев, однако без малейшей сентиментальности и, уж конечно, без тени искусственности».

В воспоминаниях К. А. Коровина сказано: «Он был красавец. ...Вся его фигура, открытое лицо, широкая грудь внушали особенное к нему доверие...»

Репину при первом знакомстве (это было в 1887 году) вспомнился тургеневский Базаров, бросились в глаза здоровье, трезвость, физическая сила Чехова: «Тонкий, неприметный, чисто русский анализ преобладал в его глазах над всем выражением лица. Враг сантиментов и высоких увлечений... он казался несокрушимым силачом по складу тела и души».

Другой художник, Н. П. Ульянов, познакомившийся с Чеховым в 1904 году и захотевший написать его портрет, вспоминал: «Сеансы наши не состоялись. Но отказался от мысли написать его портрет я уже не мог и потому решил изобразить хотя бы некоторые черты, хотя бы намек на тот ускользающий его духовный облик, который волновал меня все время».

«Чехов неуловим. В нем было что-то необъяснимо пежное», — сказал, осматривая мою работу, В. А. Серов, который так же обожал Антона Павловича и когда-то сделал с него набросок. Этот набросок служил мне некоторое время подспорьем, хотя сам В. А. находил его не совсем удачным».

Обе эти работы, Ульянова и Серова, находятся в московском музее Чехова.

Представляя себе Чехова в жизни, веришь глазу и слуху людей, способных профессионально судить о человеческой внешности, — художникам, людям театра или же наблюдательным, недоверчивым людям, как И. А. Бунин: «В Москве, в девяносто пятом году, я увидел чело-

века средних лет, в пенсне, одетого просто и приятно, довольно высокого, очень стройного и очень легкого в движениях». Бунин часто бывал в доме Чеховых, среди немногих, кто был принят там по-домашнему: «Никогда не видал его в халате, всегда он был одет аккуратно и чисто. У него была педантическая любовь к порядку — наследственная, как настойчивость...»

Иные суждения о Чехове остаются единственными в своем роде: «Однажды Антон Павлович шел по дорожке парка, а Толстой, еще больной в ту пору, сидя в кресле на террасе, весь как-то потянулся вслед ему, говоря вполголоса:

— Ах, какой милый, прекрасный человек: скромный, тихий, точно барышня! И ходит, как барышня. Просто — чудесный!» (М. Горький).

Какое пастроение владело Толстым, старым, чутким к слову и не столь уж щедрым на слова? Правда, «отношение его к Чехову было отношением пежной влюбленности», но все же меньше всего Чехов похож был на барышню. Другие не находили в нем этой «миловидности». «Если бы Вы были менее суровы на вид и напоминали бы хоть слегка романтика, я бы рассказал Вам о дубовых лесах, о соловьях курских и о двух голубых звездах», — писал ему в августе 1891 года Ф. А. Червинский, драматург и поэт.

С появлением воспоминаний Горького облик Чехова словно бы затушеван сплошной скромностью — не осталось других черт, не было, например, места для той запомнившейся В. И. Немировичу-Данченко небрежности, с какой он здоровался со знакомыми литераторами или актерами.

Бунин, далеко не сентиментальный, хорошо знавший закулисную сторону литературной жизни и тончайшие оттенки писательских оттенений, не считал Чехова «скромным» в обыденном смысле этого слова.

Общее отношение к нему полнее других выразил, вероятно, Ф. И. Шаляпин.

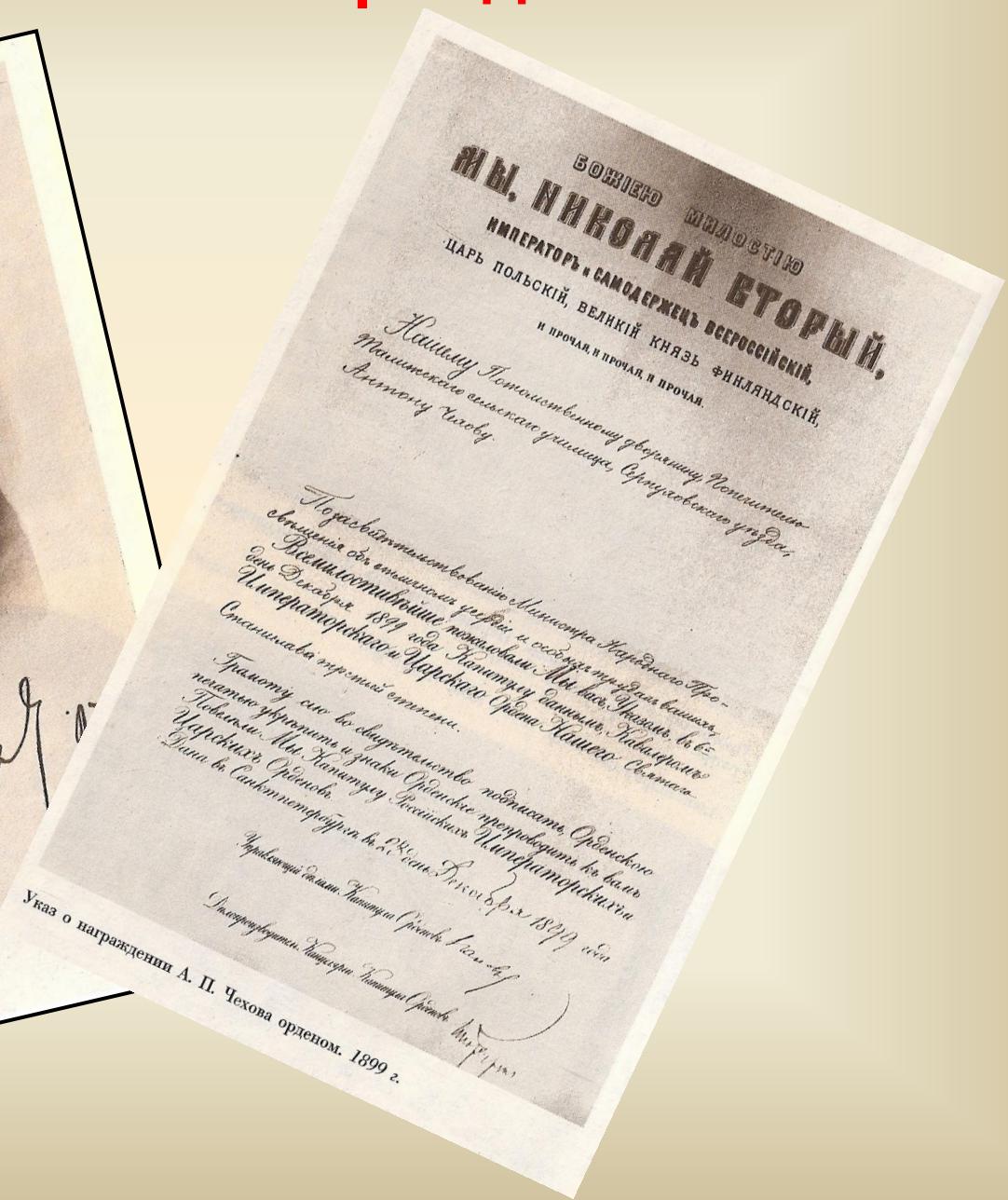
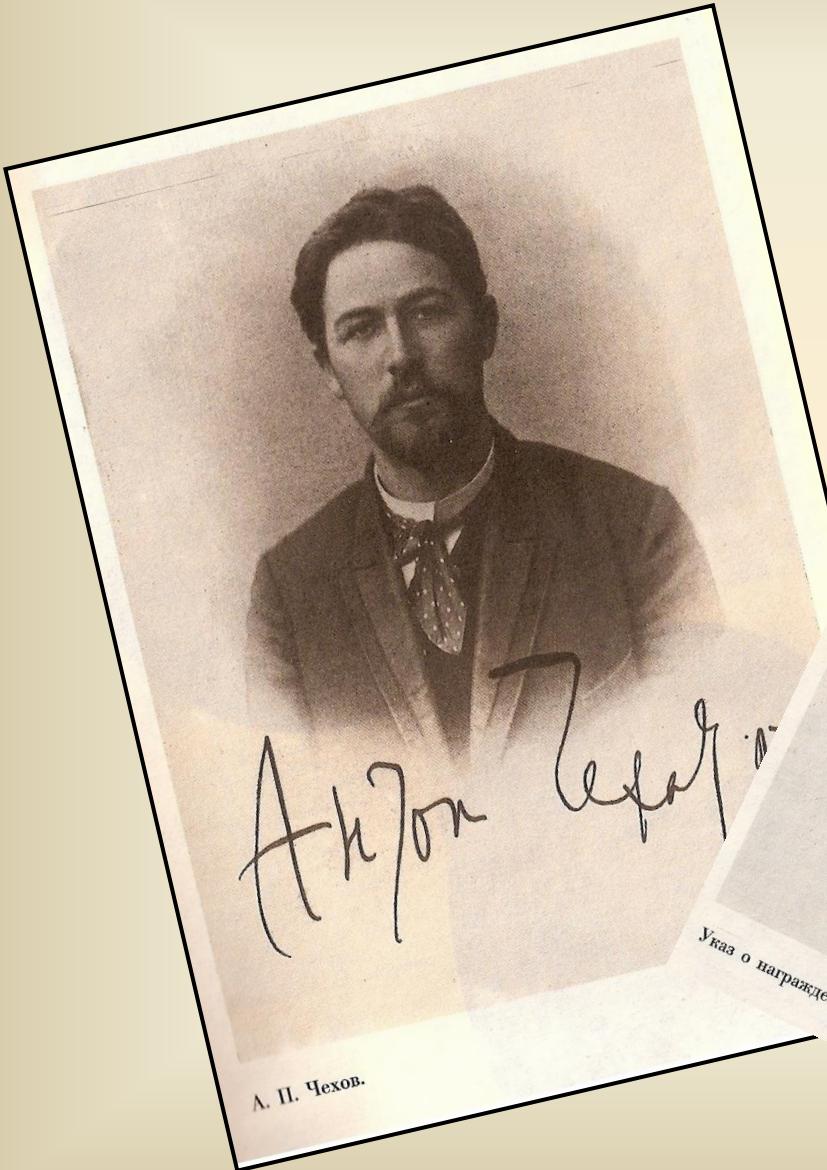
«Помню, например, как горячо хотел он познакомиться с Чеховым, сколько раз говорил мне об этом, — писал Бунин в воспоминаниях о нем. — Я наконец спросил:

— Да за чем же дело стало?

— За тем, — отвечал он, — что Чехов нигде не показывается, все нет случая представиться ему.

— Помилуй, какой для этого нужен случай! Возьми извозчика и поезжай.

Императорский Указ о награждении Чехова

что такое свобода, и не умели пользоваться «волей», о которой говорилось столько громких фраз. Само представление о свободе нужно было еще уяснить и усвоить, положить в основание жизни и передать тем, кто придет во след. Это, собственно, и совершил Чехов — писатель и человек.

Проблему народа — труднейшую из проблем своего времени, когда люди изучали народ, уходили в народ, открывали народ, как открывают землю незнайому — Чехов уяснил для себя так: «...все мы народ, и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное».

Поскольку в России нельзя было жить совершенно без всякого чина — или, как говорил Чехов, «без никому», — то был у него и чин, как бы заимствованный из собственных рассказов: отставной сверхштатный младший медицинский чиновник.

Указ о пожаловании потомственному дворянину Чехову ордена Святого Станислава 3-й степени был написан тем причудливым, ненатуральным языком, какой треблялся на Руси только для царских указов — языком, закрученным в завитушки и кружева:

«Божью милостью

Мы Николай II

Нашему потомственному дворянину
Попечителю Талежского сельского училища
Серпуховского уезда

Антону Чехову

По засвидетельствованию Министерства Народного Просвещения об отличном усердии и особых трудах Ваших Всемилостивейше пожаловали Мы Вас указом в 6-й день декабря 1899 года Капитулу данным кавалером Императорского и Царского ордена нашего Святого Станислава 3-й степени.

Дано в Санкт-Петербурге. 28-й день декабря 1899 года».

В Серпуховском уезде — в Мелихове, Талеже и Повеселках — Чехов построил три образцовые школы. Все они, как писалось в приветствии, адресованном Чехову земским съездом, были обязаны «своим основанием... преимущественно неусыпным заботам Антона Павловича». Он был попечителем Талежского училища, членом его совета, помощником предводителя дворянства по наблюдению за народными училищами. В этом официально состояли его «отличное усердие и особые труды».

Но высочайшая награда, по-видимому, имела еще и другой, неофициальный смысл.

В 90-е годы книги Чехова получили место в библиотеке царской семьи. Как свидетельствуют мемуаристы, Александр III читал чеховские рассказы вслух; посмотрев на сцене придворного театра «Предложение», — это было в 1889 году, — он «много смеялся» и просил передать Чехову особое благоволение. Позднее, судя по дневниковым записям директора императорских театров В. А. Теляковского, царская семья посетила представление всех чеховских пьес, от «Дяди Вани» до «Вишневого сада». Все это, нужно думать, также учлось при награждении «потомственного дворянина» Антона Чехова.

Возможно, царская семья желала бы принять Чехова и послушать его чтение в своем узком кругу, как недавно семья Александра II слушала чтение Ф. М. Достоевского. Во всяком случае, 26 апреля 1901 года О. Л. Книппер писала Чехову: «Третьего дня мать пела на рауте... в Строгановском училище, по желанию великой княгини, которая сама выбирала романсы. После концерта она с Сережем¹ подошли к маме... и первый вопрос великой княгини был: «Ваша дочка в Москве? Когда же ее свадьба? А как его здоровье?»... Великая княгиня очень осведомилась о тебе».

Ю. Соболев, обнаружив затерявшийся в старых бумагах указ, писал в 1930 году: «Вот факт, кажется, ни одному из чеховских биографов не известный».

Потомственное дворянство так и не стало фактом биографии Чехова. Он просто-напросто не принял его. Ни слова о нем ни в письмах, ни тем более в официальных бумагах. Да и странно было бы, если бы принял: он разделил своим персонажам столько императорских знаков отличия, столько «сверкающих золотом и отливающих смалью» Владимиров, Станиславов и Анн, что вообразить самого Чехова со Станиславом на шее — разве это возможно?

Высочайший указ, оставленный без внимания и последствий, — вот это действительно биографический факт. Больше чем факт: линия поведения, сплошная и чистая линия жизни, то, что было выше и сильнее всех внешних влияний, что ограждало безусловную и честную правду чеховского труда «от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались».

¹ Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович.

**1898, 17(29 декабря) – премьера "Чайки" в Московском
Художественном театре. Начало сотрудничества с Московским
Художественным театром.**

А. П. Чехов
с таксою
Хиной после
возвращения
из клиники.
Май 1897 г.
Мелихово.
Любимельская
фотография.

18 98
Художественно-Общедоступный Театръ
Каретный рядъ, „ЭРМИТАЖЪ“.

Въ Четвергъ, 17-го Декабря,
поставлено будетъ, въ 1-й разъ:

ЧАЙКА.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. Антона Чехова.

Дѣйствующія лица:

Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Трешнева, актриса . . . . . О. Л. Книппер,
Константина Гавриловича Тропинина . . . . . В. Э. Мейерхольдъ,
Софья Степановна Сорина, ее дочь . . . . . В. В. Лужский,
Петръ Николаевич Соринъ, ее братъ . . . . . Илья Михайловна Зарубина . . . . . М. Р. Ронсано,
Илья Анастасьевич Шамровъ, управлю-
щий у Сорина . . . . . А. Р. Арутънъ,
Полина Андреевна, его жена . . . . . Е. М. Риневская,
Маша ихъ дочь . . . . . М. П. Лилина,
Борисъ Алексеевичъ Тригоринъ . . . . . К. С. Станиславскій,
Евгений Сергеевичъ Доринъ, врачъ . . . . . А. Л. Виницевскій,
Семенъ Семеновичъ Медведевъ, читатель . . . . . Г. А. Соколовъ,
Яковъ работникъ . . . . . А. И. Азаревъ,
Павлъ . . . . . А. Л. Загаровъ,
Горячевъ . . . . . М. П. Николаевъ.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Сорина.

Межу третьимъ и четвертымъ дѣйствіями проходитъ два года.
Режиссеры: К. С. Станиславскій и Вл. И. Немировичъ-Данченко.

Декорациі 1-го и 2-го дѣйствій художника В. А. Симова.
Парики и прически Я. И. Иванова. Декоративныя украшения
изъѣтами гравдага заведенія Б. Носса.

Начало въ 7^½ час. вечера, окончаніе около 11^½ час. ночи.

Афиша комедии
«Чайка».
Первая постановка в
Художественномъ театре.
1898 г. Москва.

Художественому театру отъ землемѣра гравдага
в. Павла Чехова —
поставлено во славу ученика ю. Немировича-Данченко

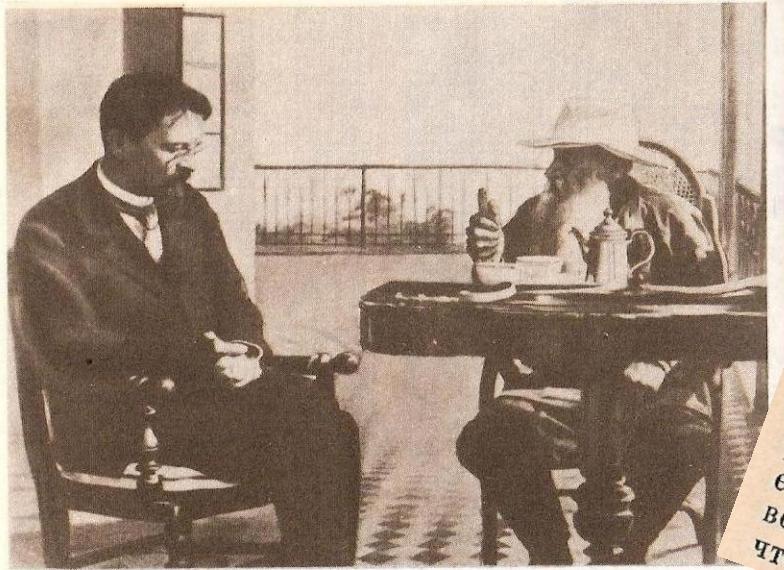
Вл. И. Немирович-
Данченко
(1858—1943).

Афиша первого спектакля драматического театра
имени К. Станиславского «Чайка»
василевского театра въ 1910 г.

К. С. Станиславский
(Алексеев) (1863—1938).

Чехов и Толстой

А. П. Чехов и Л. Н. Толстой.

12 сентября 1901 г. Гаспра. Фото П. А. Сергеенко.

«Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место» (А. П. Чехов).

Л. Н. Толстой (1828–1910).

Даровано императору Гавриилу
Чехову, 18 мая 1903 г.

Суровый и недоверчивый в отношении к молодым писателям и новым поколениям, сказавший: «Нынче царь материализма, т. е. женщин и врачей», Лев Толстой тем не менее любил Чехова с какой-то трогательной нежностью, хотя Чехов был и материалистом, и врачом, и мировоззрения у него не было — не было ему противоречит, приримяющего в своих иллюзиях и мифах самые пепримивные крайности, потому что Чехов был сильным писателем, единственный среди молодых, кого Толстой ставил впрочем с собой и даже выше себя, но, конечно, и потому, что чувствовал в нем светлую душу.

На фотографии рукой Льва Николаевича Толстого написано:
«Дорогому Антону Павловичу Чехову, Лев Толстой. 18 мая

А. П. Чехов в саду ялтинского дома. 1899—1900 гг.
«А что такое счастье? Кто это знает? По крайней мере, я лично, вспоминая свою жизнь, ярко сознаю свое счастье именно в те минуты, когда, казалось тогда, я был наиболее несчастлив» (Л. А. Абиловой, лето 1901 г.).

А. П. Чехов. 1900 г. Ялта. Фото Л. В. Средина.
«Пианино и я — это два предмета в доме, проводящие свое существование беззвучно и недоумевающие, зачем нас здесь поставили, когда на нас тут некому играть» (М. П. Чеховой, 1899).

Дом Чехова в Аутке.

**1904 – умер на немецком курорте
Баденвейлер; 9(22) июля –
похоронен на Новодевичьем
кладбище в Москве.**

**Никогда вы всего не охватите.
Все сложится, когда мы умрем.
Тогда и личность автора
обнаружится.**

Чехов - Бунину

...Смерть Чехова – это большая потеря для нас, тем более, что кроме несравненного художника, мы лишились...прелестного, искреннего и честного человека...Это был обаятельный человек, скромный, милый...

Лев Толстой

А. П. Чехов. 1898 г. Ялта. Фото Л. В. Средина.
«Он пятнадцать лет был болен изнурительной болезнью, которая неуклонно вела его к смерти; но знал ли это читатель, — русский читатель, который слышал столько горьких писательских воплей?» (И. А. Бунин).

«Никто не хочет любить в нас обыкновенных людей», — заметил он в одном из писем. Но разве он был обыкновенным? Он был замечательным человеком. Мировая слава в странной маске скромности! Лицо, словно бы затушеванное сплошной скромностью. Он хотел, чтобы в нем любили обыкновенное: он должен был вставать, работать, быть в семье, а то, что писание его было необыкновенным, что его ждала необыкновенная судьба, — этого он словно бы и не знал, не думал об этом; это его не касалось.

Чехов сумел сохранить в себе мимолетную тревогу творчества, продлить минуты подъема и сосредоточенности на целую жизнь.

«Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия — родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на нем — не то плывет, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух — молоко парное!»

Кто знает, не эти ли картины жизни вольной русской деревни проносились в его угасающем сознании, когда 22 августа 1883 года, в два часа пополудни, оставил он мир земной?..

После смерти черты его лица приняли спокойный, ласковый и мягкий характер, следы страдания исчезли.

27 сентября 1883 года, в Петербурге, Россия торжественно похоронила его, согласно завещанию, со всеми почестями, достойными его замечательного таланта.

Открылась новая страница его судьбы: жизни после смерти, его бессмертия.

A. Чехов

А. П. Чехов. 1894 г. Ялта. Фото Л. В. Средина.

«Вы делаете людей веселее, чем они есть на самом деле, и это, составляет тайну Вашего искусства» (Л. В. Средина, 1894).

Вот и закончилась, дорогой Читатель,
виртуальная книжная выставка «Живые
классики». Очень надеемся, что она тебе
понравилась. Надеемся и на то, что тебе снова
захочется прикоснуться душой к жизни и
творчеству замечательных людей, великих
русских писателей, чьи имена навечно
вписаны в историю мировой и отечественной
культуры. Мы приоткрыли перед тобой
лишь некоторые страницы нескольких
биографий. Истинная встреча с великими
произойдет лишь тогда, когда
ты возьмешь в руки книгу.

Спасибо,
читатель,
за то, что был
с нами...

Книги ждут
тебя...

